

II.

МАТЕРІАЛЫ СЪВЕРНОЙ ИСТОРИИ.

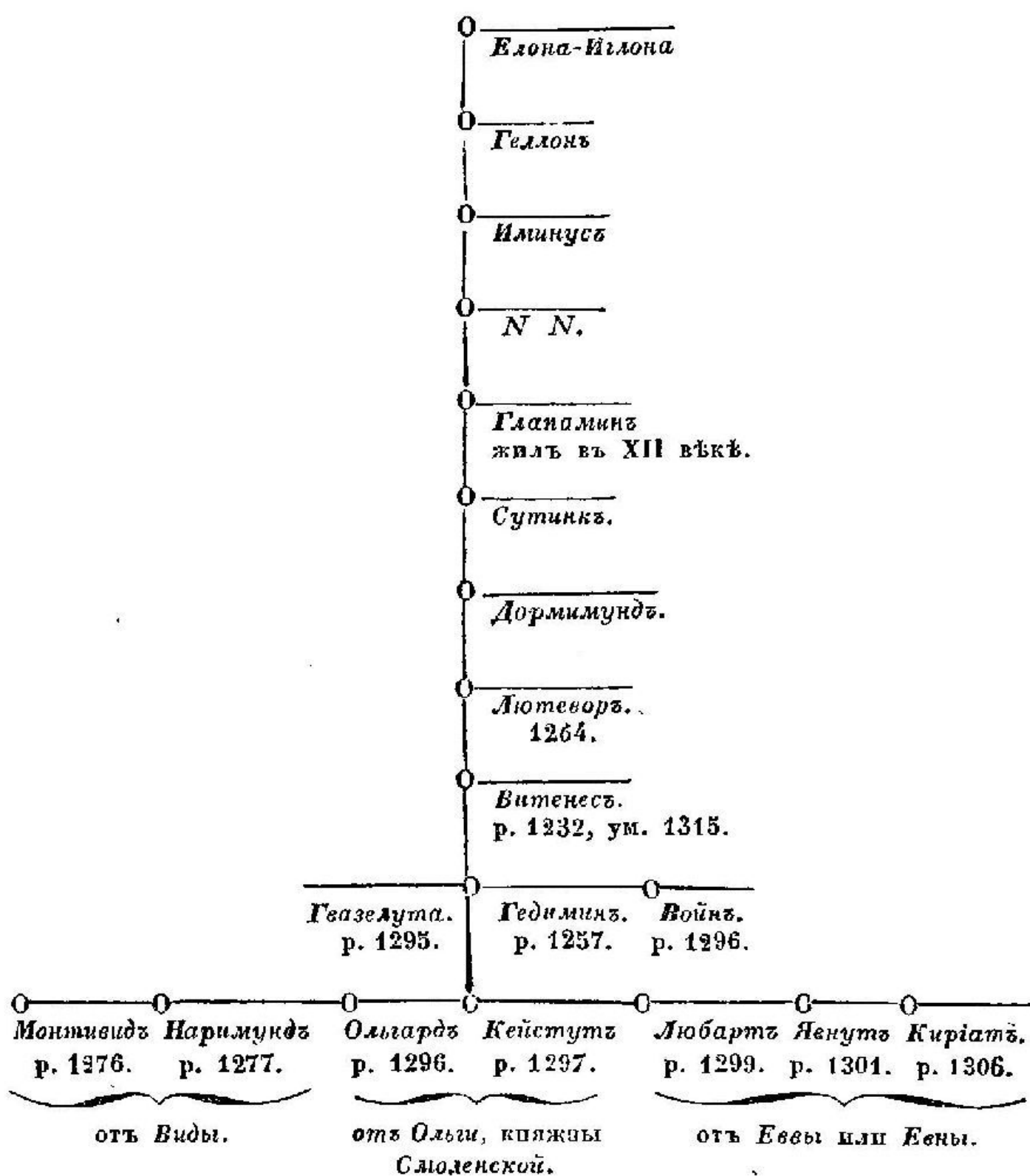

О СТРЬЙКОВСКОМЪ И ЕГО ХРОНИКЪ.

Статья II и последняя.

Послѣ оцѣнки саги о Палемонѣ, составляющей введе-
ніе въ литовскую исторію, обратимся къ разсмотрѣнію родо-
словныхъ таблицъ князей литовскихъ, сравнивая всѣ извѣстные
по этому предмету матеріалы, чтобы удобнѣе было видѣть страш-
ные анокронизмы, обезображивающіе эти таблицы. При этомъ
намъ легко будетъ убѣдиться, какъ шатко все зданіе первоначальной литовской исторіи, и сколько трудовъ предстоитъ крити-
кѣ, чтобы представить этотъ предметъ въ надлежащемъ его
видѣ, очищеннымъ отъ всѣхъ ошибокъ. Сначала возьмемъ ге-
неалогію кодекса раудянского (см. Исторію Нарбутта, т. I. стр.
156), выводящую родословіе извѣстнаго изъ хроники Дюсбург-
га, Лютовора, отца Витенесова.

Эта генеалогія кодекса рауданскаго составлена въ XV столѣтїи, вѣроятно, для опроверженія преданія о томъ, что Витенесь и Гедиминъ были какіе-то хвищянки, безъ роду и племени. Она начинается Елоною — Иглоною, полубогинею, женою какого-то бога; за нею слѣдуетъ сынъ ея Геллонъ; потомъ Имипъ, предсѣдательствующій у Дреговичей въ Игменѣ; за нимъ внукъ его Глапаминъ, царствующій уже въ XII столѣтїи въ Литвѣ; Сутинкъ, Дормимундъ въ Жмудѣ, и Лютеворъ, возобновившій въ 1262 году Ейраголу, а потомъ посланный правителемъ въ Полоцкъ (невольно бросаются въ глаза эти безпрестанныя отношенія къ Полоцку)! У Лютевора былъ сынъ Витенесь, ро-

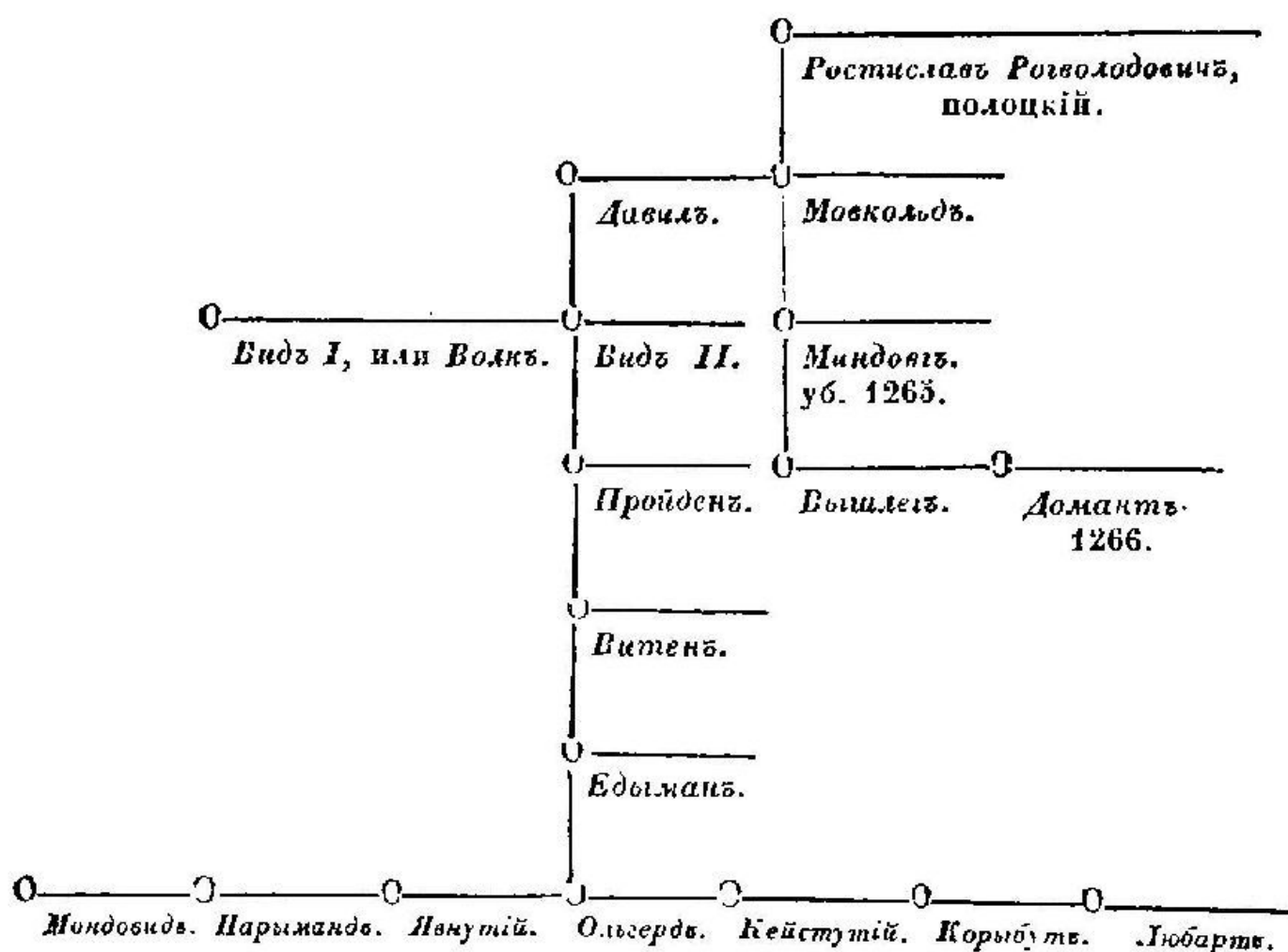
дившіея въ 1232 году, убитый молніею въ 1315; онъ былъ въ плѣну у Батыя, оттуда выкупленъ (какъ Наримундъ, по сказанію русскихъ лѣтописцевъ), а жилъ вмѣстѣ съ отцемъ въ Полоцкѣ, откуда не слѣдлался великимъ княземъ. Въ рауданскомъ кодексѣ упоминается о Трабусовомъ сынѣ Лаврамѣ, или инокѣ Лаврентіи, извѣстномъ изъ другихъ источниковъ, что онъ на съѣздѣ (видно, что рауданскій кодексъ есть произведеніе XV вѣка) въ Керновѣ возвелъ на великокняжескій престолъ Витенеса. Этотъ кодексъ весьма обстоятельно полагаетъ кончину Витенеса въ 1316 году; считаетъ у него три жены: отъ первой родился Гедиминъ, отъ второй Гвазелута и Война; для опроверженія преданія о томъ, что Гедиминъ былъ простымъ конюхомъ у В. К. Витенеса, говоритъ, что Гедиминъ дѣйствительно надзиралъ за отцовскими стадами въ Ейраголѣ. На счетъ Гедимиана упомянутый кодексъ повѣствуетъ, что онъ избранъ (?) на престолъ въ январѣ 1316 года; что имѣлъ трехъ женъ: Владу, дочь куровскаго Бартника Видмунда (не слѣдланъ ли онъ изъ Барутина отца, Видимита?), Ольгу княжну смоленскую, и Евву или Евну, дочь князя полоцкаго Ивана Всеволодовича, брата второй жены Ольги. Дѣти Гедимиана, по рауданскому кодексу, распредѣляются слѣдующимъ образомъ, съ весьма страннымъ переводомъ значенія ихъ именъ. Отъ Виды родился: Монтивидъ, т. е. свѣтъ Виды (за чѣмъ сюда попалось германское слово?) и Наримундъ, т. е. конецъ свѣта. Отъ Ольги родились: Ольгердъ, т. е. радость Ольги, родившіея 1296 года, и Кейстутъ, т. е. искусникъ (отъ германскаго Kunst, ибо писался обыкновенно Кинстотъ), родившіея 1297 года. Отъ Еввы Ивановны Полоцкой: Любартъ, родился 1299, Явнугъ 1301 года, и Коріатъ въ 1206, Трудно найти между современными русскими князьями, Ивана Всеволодовича Полоцкаго: не былъ ли это Юрій Всеволодовичъ? *.

---

* Это мѣсто, къ величайшему огорченію, убѣждаетъ насъ, какъ мало даже нынѣ польскимъ писателямъ извѣстна русская исторія, и даже тѣмъ изъ нихъ, которые берутся писать объ этомъ предметѣ. Своею догадкою объ отцѣ третьей жены Гедимиана, г. Крашевскій повторилъ то же самое, въ чемъ онъ такъ дѣльно обвиняетъ Стрыйковскаго, шляхтича XVI столѣтія. Легкомысленно пустилъ онъ догадку, изблѣчающую слабую степень его познаній въ русской исторіи. Юрій Всеволодовичъ былъ не полоцкимъ княземъ, а в. к. владимірскимъ, и убитъ въ сраженіи съ Батыею на рѣкѣ Сити въ 1238 году. Слѣдовательно дочь его, при завятіи мѣста третьей жены Гедимиана, имѣла слишкомъ 60 лѣтъ, и рожала на 70 году. Главное: въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ Еввы, дочери героя ситскаго.

Прим. Перев.

Послѣ рауданскаго кодекса, рассмотримъ генеалогію литовскихъ князей, помѣщенную въ Шлёцеровой «Исторіи Литвы, Курляндіи и Лифляндіи», изданной въ 1785 году. Шлёцеръ заимствовалъ изъ русскихъ лѣтописей. Генеалогія эта составлена въ XVI столѣтіи. Вотъ она:

Изъ этой родословной видно, что князь полоцкій Ростиславъ Рогволодовичъ, притѣсненный другими русскими князьями, бѣжалъ со всею своимъ семействомъ въ Константинополь. Далѣе говорится, что въ то время Литва состояла въ подданствѣ князей полоцкихъ, хотя города ея, будучи управляемы своими гетманами (*редманъ*-выраженіе не ранѣе XVI вѣка), платили только дань русскимъ, иногда кievскимъ, иной разъ черниговскимъ и смоленскимъ князьямъ. Вообще подданство Литвы пограничнымъ русскимъ владѣніямъ не подлежало, кажется, сомнѣнію; Несторъ это подтверждаетъ. Потомъ въ родословной говорится, что жители Вильны (здѣсь Вильна существуетъ уже въ XII столѣтіи), поданные князя Ростислава Рогволодовича, послѣ его бѣгства въ Грецію, покорились сначала королю венгерскому (?), а потомъ вызвали къ себѣ княжить двухъ сыновей упомянутого князя: Давида и Москольда. Давидъ былъ первымъ княземъ виленьскимъ; онъ имѣлъ трехъ сыновей: Вида или Волка, который впоследствии принялъ св. крещеніе имя Андрея, и сталъ княжить въ городѣ Твери; Ви-

да II, покорителя Деревичанъ (Древлянъ?), и Ердена (Ердзивила?). У Мовкольда же былъ сынъ извѣстный Мндовгъ, убитый 1263 года. Видъ II имѣлъ сына Пройдена (Тройдена?) покорителя Ятвяговъ; у Пройдена былъ сынъ Витенъ, господствовавшій по р. Бугъ. У Витена былъ сынъ Гедиминъ. Мндовгъ имѣлъ двухъ сыновей: Вышлега пюка (Войселкъ) и Доманта, бѣжавшаго 1266 года въ Псковъ, и тамъ принявшаго христіанскую вѣру, при чемъ нареченъ Тимошеемъ. Гедиминовы дѣти поименовываются такъ: Мондовидъ (Монтивидъ), Нармундъ, Явнугій, Ольсергъ, Кейстутій, Корыбутъ и Любаргъ. По всему видно, что генеалогія литовскихъ князей, извлеченная Шлецеромъ изъ русскихъ лѣтописей, составлена въ XVI столѣтїи изъ воспоминаній и различныхъ разбросанныхъ свѣдѣнїй. Она заслуживаетъ весьма мало вѣроятїя. Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній. Рехвольдъ, отецъ упоминаемаго Ростислава, царствовалъ въ Полоцкѣ, кажется, около 1144 года; а въ этой генеалогїи Ростиславъ Рогвольдовичъ уже изгнанъ 1129 года; о другомъ Рогвольдѣ не знаю. Должно быть этотъ самый Рехвольдъ (Рогволдъ), по нашимъ * хроникамъ имѣеть одного только сына Глѣба. Вообще кажется, что эта родословная, изъ разбросанныхъ свѣдѣнїй, была составлена не совершенно произвольно; нѣкоторыя имена знакомы изъ другихъ источниковъ: Ердень - Ердзивиль, Пройдентъ - Тройдентъ, Вышлегъ - Войселгъ, Домонтъ - Даумантъ; только послѣднїй не былъ сыномъ Мндова. О Войселгѣ сказано также, какъ у Стрыйковскаго. Изъ этого видно, что на Руси были извѣстны имена литовскихъ князей, хотя въ русскихъ лѣтописяхъ, прежде Мндова, ни объ одномъ не говорится по имени; вездѣ записано просто «Литва». Въ Со-

---

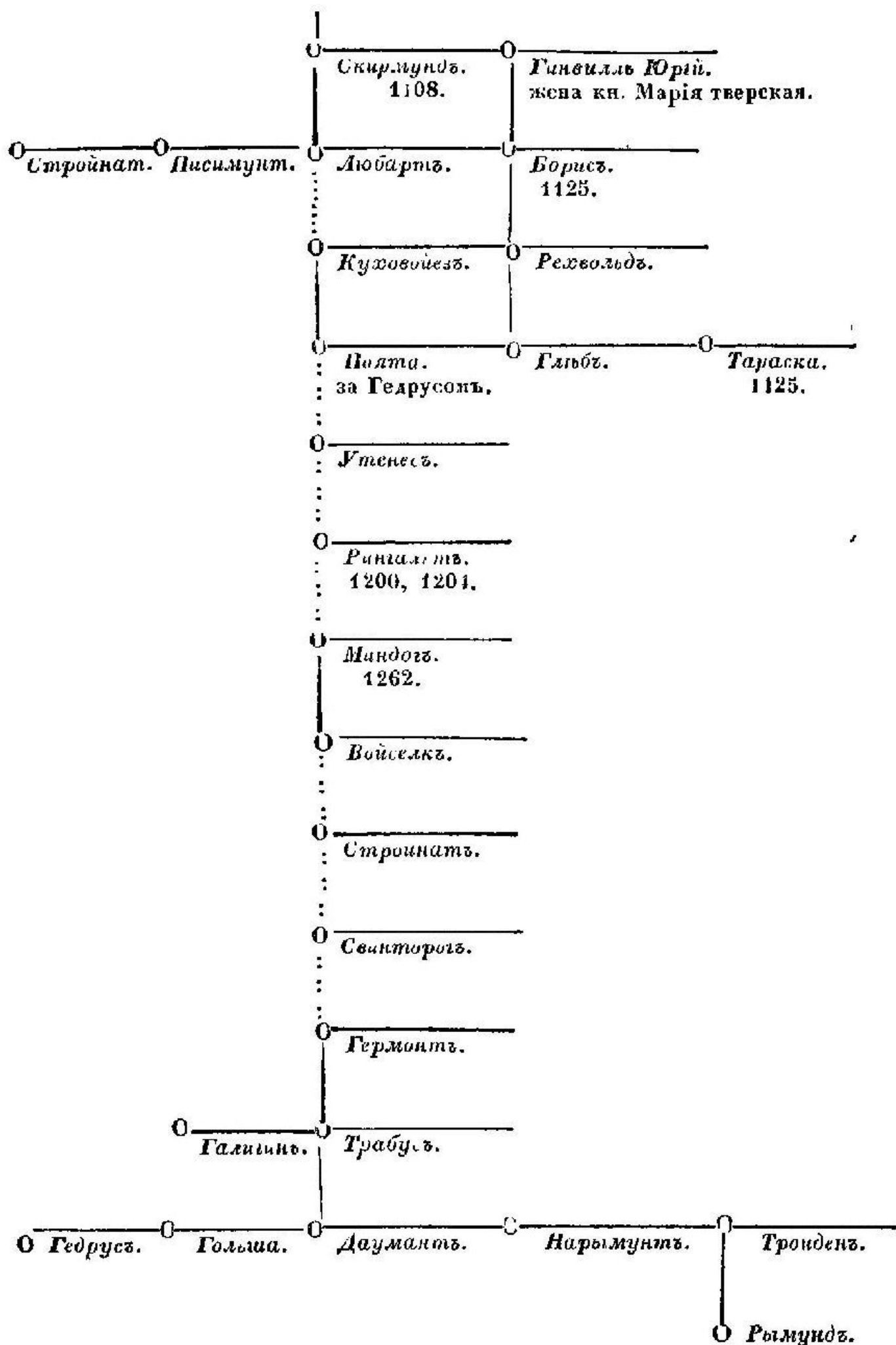
* Что это за наши хроники? Польскія? Но Мартынъ Холева, Кадлубекъ и пр. не занимались судьбою полоцкаго княжества; а Длугошъ описалъ только, что было у тѣхъ.—Литовскія? Но вѣдь ихъ никогда не бывало: Литва была совершенно безграмотна. Слѣдовательно здѣсь г. Крашевскій обращается къ авторитету, имъ же уничтожаемому, Стрыйковскаго. Странное дѣло!... Стрыйковскій изобрѣлъ цѣлую династію Палемонидовъ полоцкихъ; безсовѣстнымъ образомъ сослался на надписи на камняхъ, лежащихъ въ руслѣ Западной Двины, и эти то нѣмые свидѣтели, пролежавшіе столько вѣковъ, выдержавшіе пороховые взрывы отъ нижевернаго вѣломства, заботящагося объ удобствахъ рѣчнаго пути, а не объ отечественной археологїи, удостовѣряютъ cadaго, пожелающаго взглянуть на эти почтенные остатки нашихъ древностей, что слова: сына Гинвилла, въ надписи на камняхъ, никогда не существовали. Это ксевдъ Стрыйковскій добавилъ отъ себя....

Прим. Черев.

Фійскомъ Временникъ имя Войселка написано, сходно съ родословною, помѣщенною у Шлецера, Вошелегъ. Что Наримундъ крестился въ Новгородѣ и тамъ получилъ удѣлъ, это не подлежитъ сомнѣнію; только лѣтописцы развѣствуютъ въ показаніи причинъ. Родословная, изъ которой, какъ выше было упомянуто, почерпнулъ Шлецеръ часть свѣдѣній объ исторіи Литвы, утверждаетъ, что великій князь московскій Іоаннъ Даниловичъ, по прозванію Калита, выкупилъ упомянутаго Наримунда изъ ордынской неволи, и окрестилъ его въ русскую вѣру подъ именемъ Глѣба, и что по этой послѣдней причинѣ, не принятый на своей родинѣ, Наримундъ Гедимировичъ принужденъ былъ искать пріюта въ Новгородѣ. Софійскій же временникъ говоритъ другое. По его показанію, Наримундъ былъ крещенъ 1333 года, а въ награду получилъ удѣлъ отъ Новгородцевъ. Насчетъ Доуманта, временникъ пишетъ только, что онъ былъ изъ рода князей литовскихъ, но чей именно сынъ, того не написано. У нашихъ лѣтописцевъ, Доумантъ есть сынъ Ромунда. По времени онъ могъ быть и сыномъ Мпидова, только это опровергнуло бы весь рассказъ Стрыйковскаго. Доумантъ, поссорясь со своимъ, бѣжалъ изъ Литвы во Псковъ, принялъ тамъ въ 1266 году христіанскую вѣру съ именемъ Тимофея, и потомъ со Псковитянами производилъ набѣги на свое бывшее отечество.

Теперь рассмотримъ генеалогическіе выводы самого Стрыйковскаго, начиная съ родословной князей, помѣщенной въ «Курьеръ Добродѣтели», гдѣ у него источникомъ была лѣтопись инока Дмитрія. Порядокъ родства тутъ весьма запутанъ; а потому станемъ точками означать, гдѣ родство прерывается.

Эта родословная въ томъ только отношеніи замѣчательна, что весьма разнится отъ родословной литовскихъ князей, помѣщенной въ Хроникѣ Стрыйковскаго. И здѣсь, какъ и въ Шле-

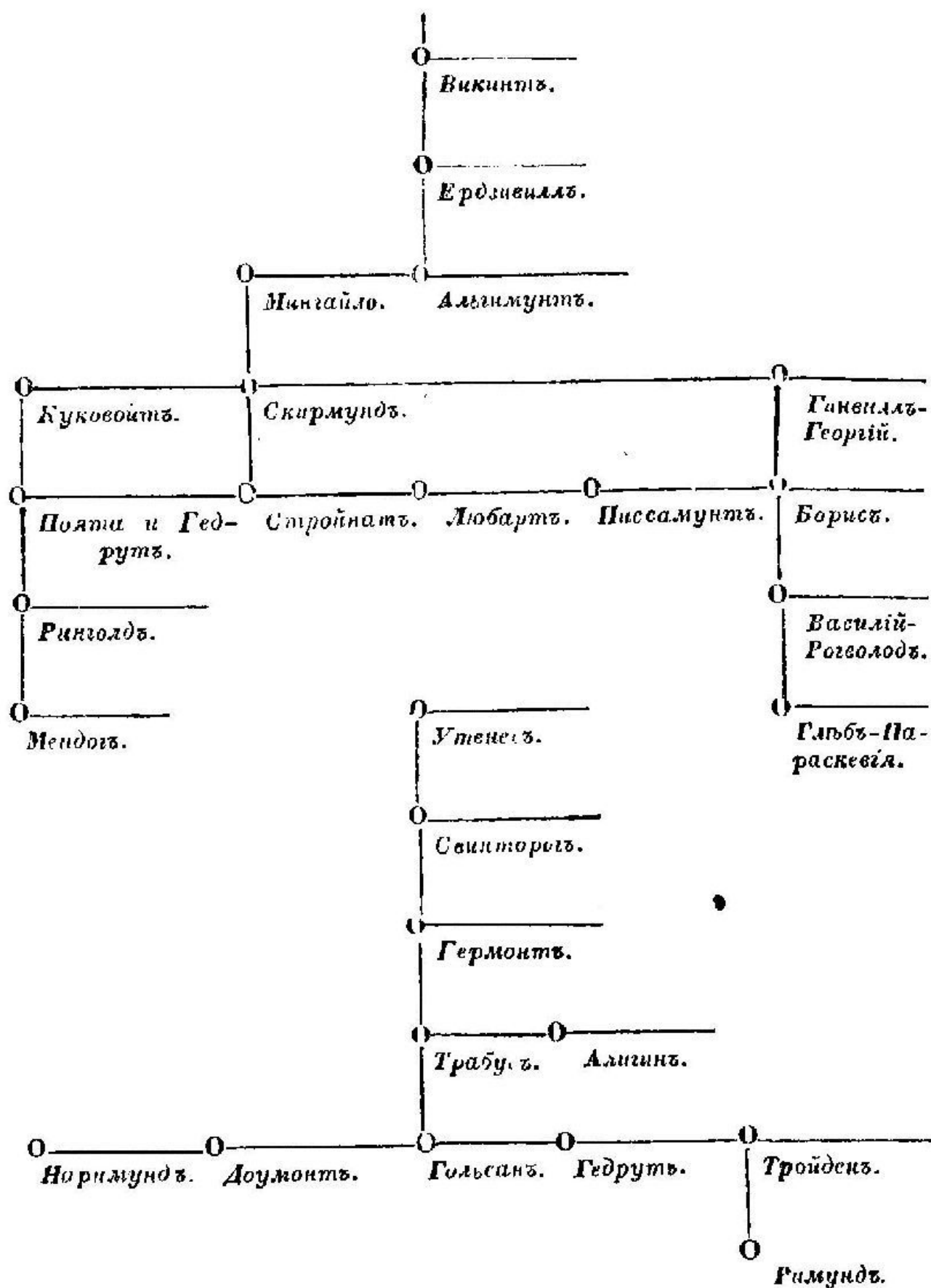
церовой родословной, Тройденъ или Пройденъ, завоевываетъ землю Ятвяговъ. Слѣдовательно, долженствовалъ быть какой-то Тройденъ, покоритель Ятвяговъ, только когда? Здѣсь также промежутокъ, отъ Палемона до его сыновей и внуковъ, менѣе, нежели въ Хроникѣ. Выводъ князей полоцкихъ отъ Гнивула-Юрія Мангайловича, тотъ же, что и въ Хроникѣ. Послѣ дѣтей Скирмунта порядокъ родства опредѣлить весьма трудно. Стрыйковскій, какъ бы нарочно, утаиваетъ это. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ, онъ поступилъ основательнѣе, нежели когда впоследствии въ своей Хроникѣ составилъ подробную и обстоятельную родословную роспись.

Здѣсь кстати будетъ обратить вниманіе на форму собственныхъ именъ князей литовскихъ, какъ намъ ихъ передали всѣ писавшіе объ этомъ предметѣ. Эти имена, какъ кажется, изобличаютъ свое тройкое происхожденіе: собственно-литовское, славянское, и готское или скандинавское. Разумѣется, при этомъ должно всегда допустить, что переписки значительно содѣйствовали къ обезображенію истиннаго вида таковыхъ именъ. Но совсѣмъ тѣмъ, слѣдовъ латинскаго корня нельзя усмотрѣть никакихъ. Собственно-литовскія имена имѣютъ окончанія, наиболѣе употребительныя на *ильтъ*, *илло*, *айлло*, *усъ*, *есъ*, *осъ*, *тъ*, *енъ*, *анъ*, *инъ*, и даже на *а*. Оканчивающіяся на *идъ* должны быть славянскія, хотя также могутъ быть и чисто-литовскія. Скандинавскія окончанія суть: *ундъ*, *андъ*, *ольдъ*, напримѣръ *Рогвольдъ*, *Витольдъ* и т. п.

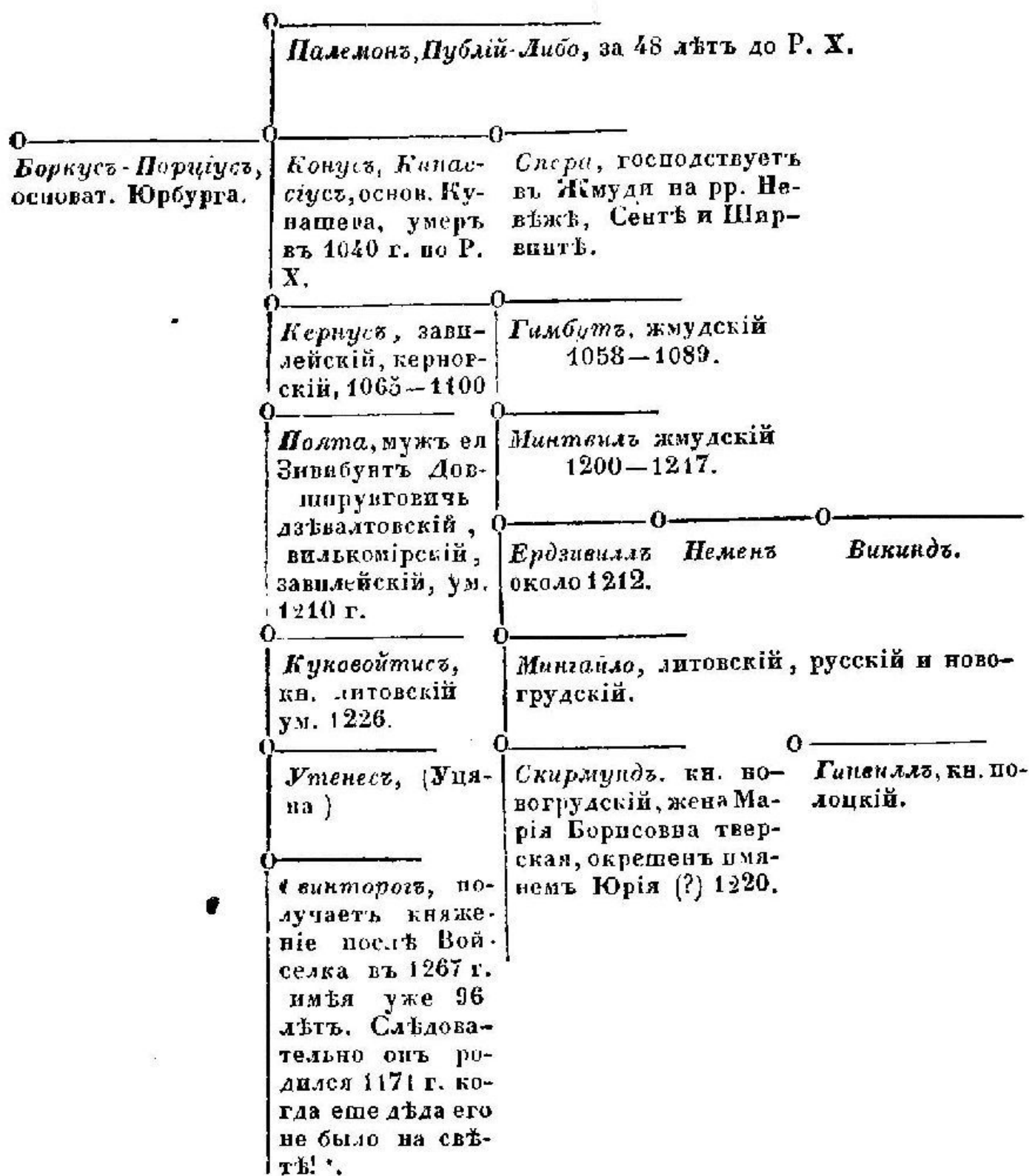
Гвагнини, взявъ тѣхъ же самыхъ матеріаловъ, которыми пользовался Стрыйковскій въ «Курьерѣ Добродѣтели», составилъ, въ своемъ «Описаніи европейской Сармаціи», свою генеалогическую таблицу князей литовскихъ. Вотъ она для сравненія.

Наконецъ приступимъ къ генеалогическимъ выводамъ, помещеннымъ въ разсматриваемой нами Хроникѣ Стрыйковскаго.

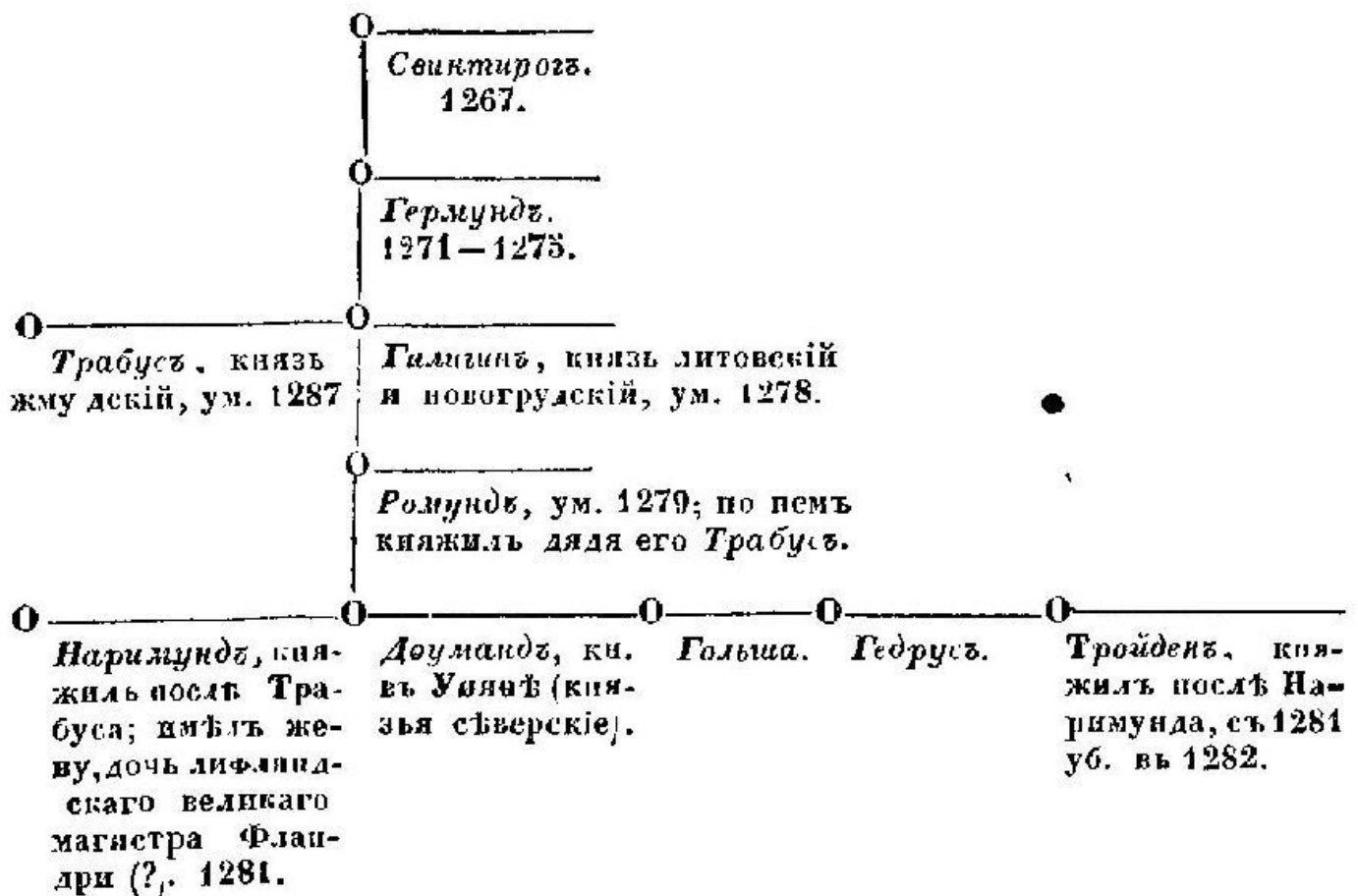

* Почему же г. Крашевскій полагаетъ, что въ 1171 году еще не было на свѣтѣ дѣда Свинторогова? Изъ таблицы видно то только, что дѣдъ (Куковойтисъ) умеръ въ 1226 году. Въ это время Свинторогъ имѣлъ 55 лѣтъ отъ роду. Встарину, когда женились рано, могло быть, что разница въ лѣтахъ между дѣдомъ и внукомъ, сокращалась до 35 лѣтъ. Слѣдовательно, Куковойтисъ умеръ 90 лѣтъ: дѣдо возможное!

Прим. Перев.

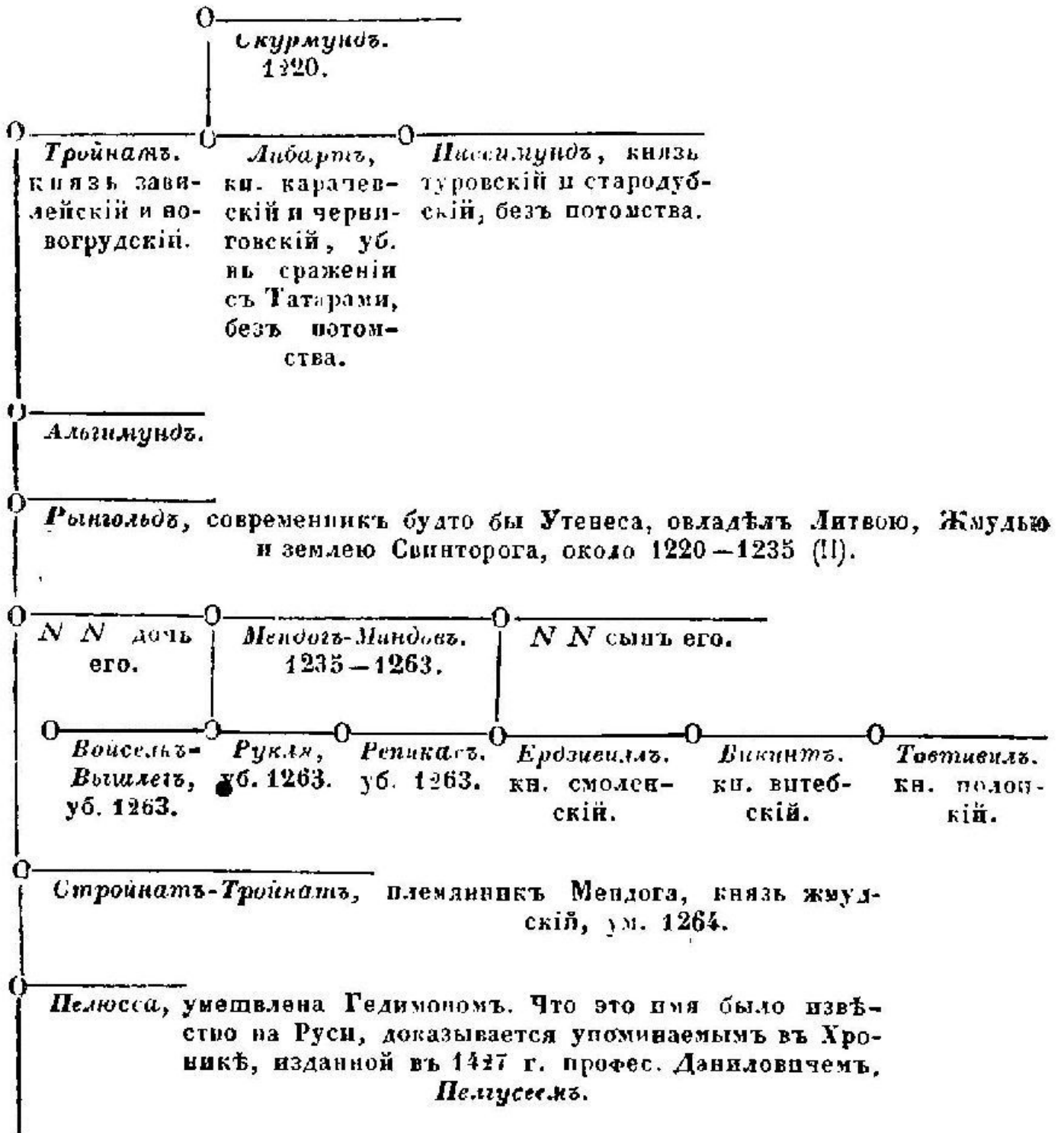
Произвольность порядка лицъ и ихъ взаимнаго родства въ таблицѣ лучше всего усматривается изъ несходства съ таблицею въ «Курьерѣ Добродѣтели». Не упоминая о прочихъ, замѣтимъ только, что въ «Хроникѣ» Скирмундъ женится на княжнѣ тверской, и принимаетъ св. крещеніе съ именемъ Юрія; а въ «Курьерѣ», все это отнесено къ Гимбуту. Стрыйковскому, какъ кажется, весьма важнымъ казалось посадить Литовцевъ на полоцкое княженіе и вывести генеалогію св. Цракседы. Далѣе выишемъ три вѣтви: Свинторогову, Скирмундову и Гинвила, какъ онѣ описаны въ Хроникѣ.

ВѢТВЬ СВИНТИРОГА.

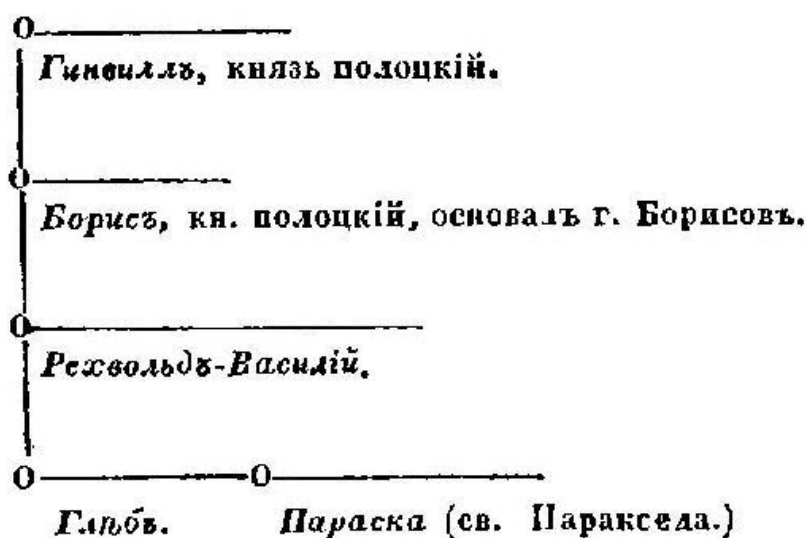
Въ родословной таблицѣ, помѣщенной въ «Курьерѣ Добродѣтели», Стрыйковскій пятерыхъ сыновей Ромунда приписалъ Трабусу, основываясь на лѣтописи впока Дмитрія; въ Хроникѣ ошибка эта исправлена. Самого Трабуса называетъ братомъ Ромунда, а въ родословной помѣщаетъ, какъ дядю. У Гвагивп, а равно и въ «Курьерѣ» Ромундъ (Римундъ) показанъ сыномъ Тройдена, и внукомъ Трабуса; а здѣсь Тройденъ является сыномъ Ромунда.

ВѢТВЬ СКИРМУНДА.

На Целуссѣ окончилось совершенно потомство Скирмунда. На- рушевичъ почиталъ показаннаго въ этой таблицѣ племянника Мендогова отъ неизвѣстнаго брата за одно лицо съ Ердзивил- ломъ Монтвилловичемъ, дѣлая справедливое замѣчаніе, что, по разсказу Стрыйковскаго, они почти современны. Вообще всякій легко можетъ видѣть, какой тутъ хронологическій хаосъ у Стрыйковскаго. Привести это въ порядокъ, можно только въ нѣкоторыхъ частяхъ, съ помощію постороннихъ источниковъ.

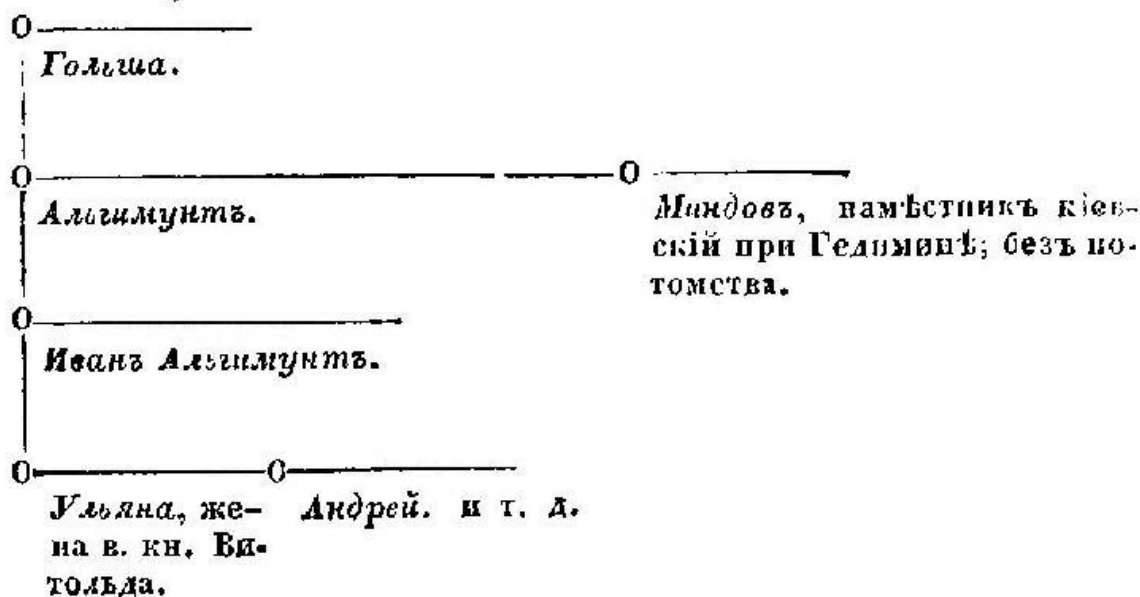
ВѢТВЬ ГИНВИЛЛА (КНЯЗЕЙ ПОЛОЦКИХЪ).

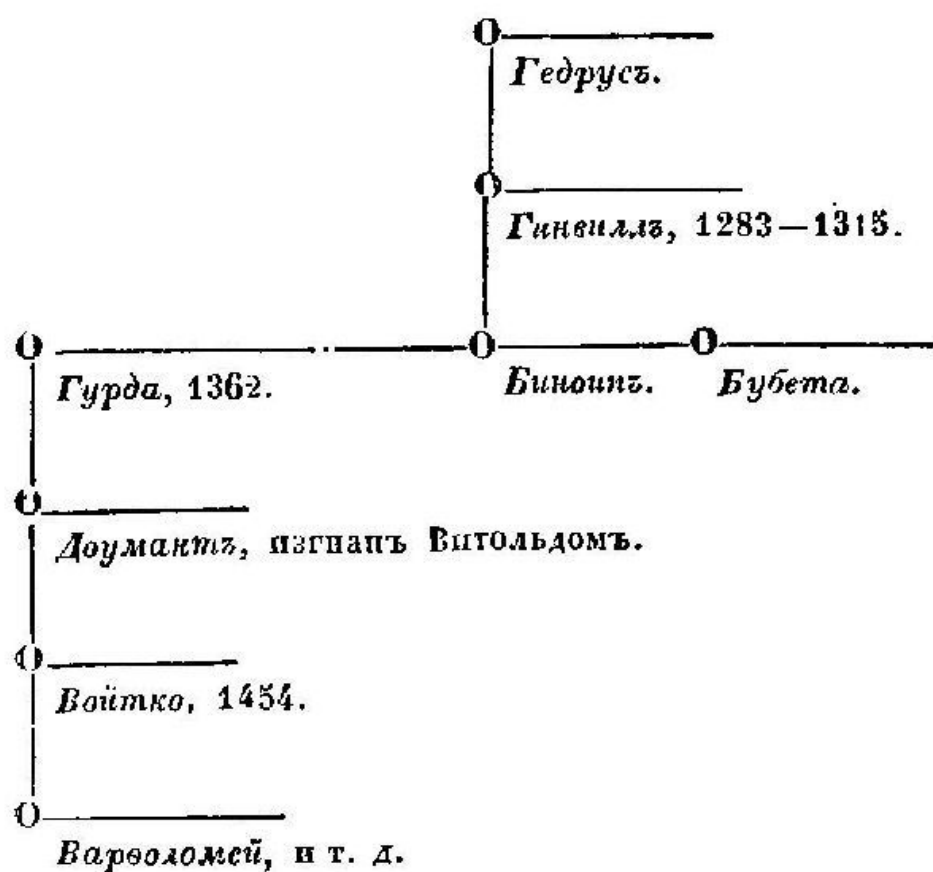
Кажется, что полагаемый Стрыйковскимъ сынъ Гинвиллоевъ Борисъ (о которомъ онъ приводитъ даже надпись на камнѣ лежащемъ въ руслѣ р. Западной Двины) былъ сыномъ Всеволода, и княжилъ въ Полоцкѣ около 1102 г. Песторъ пишетъ, что этотъ Борисъ умеръ въ 1128 г. Послѣ него княжилъ не Рехвольдъ, а Изяславъ Мстиславичъ. Русскіе лѣтописцы упоминаютъ о князѣ полоцкомъ Рехвольдѣ, или Рогволодѣ, около 1144 г. Какую страшную безтолковщину нагородилъ Стрыйковскій!!

Вѣтвь Свинторогова продолжилась въ дѣтяхъ Ромунда, а именно:

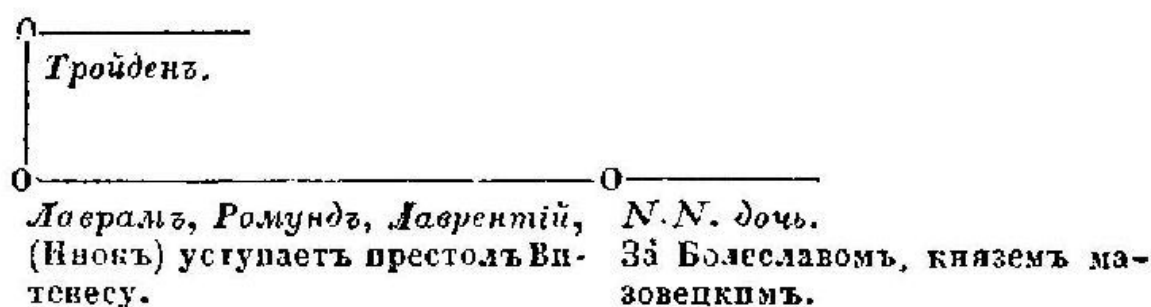
ПОТОМСТВО ГОЛЫШЫ РОМУНДОВИЧА.

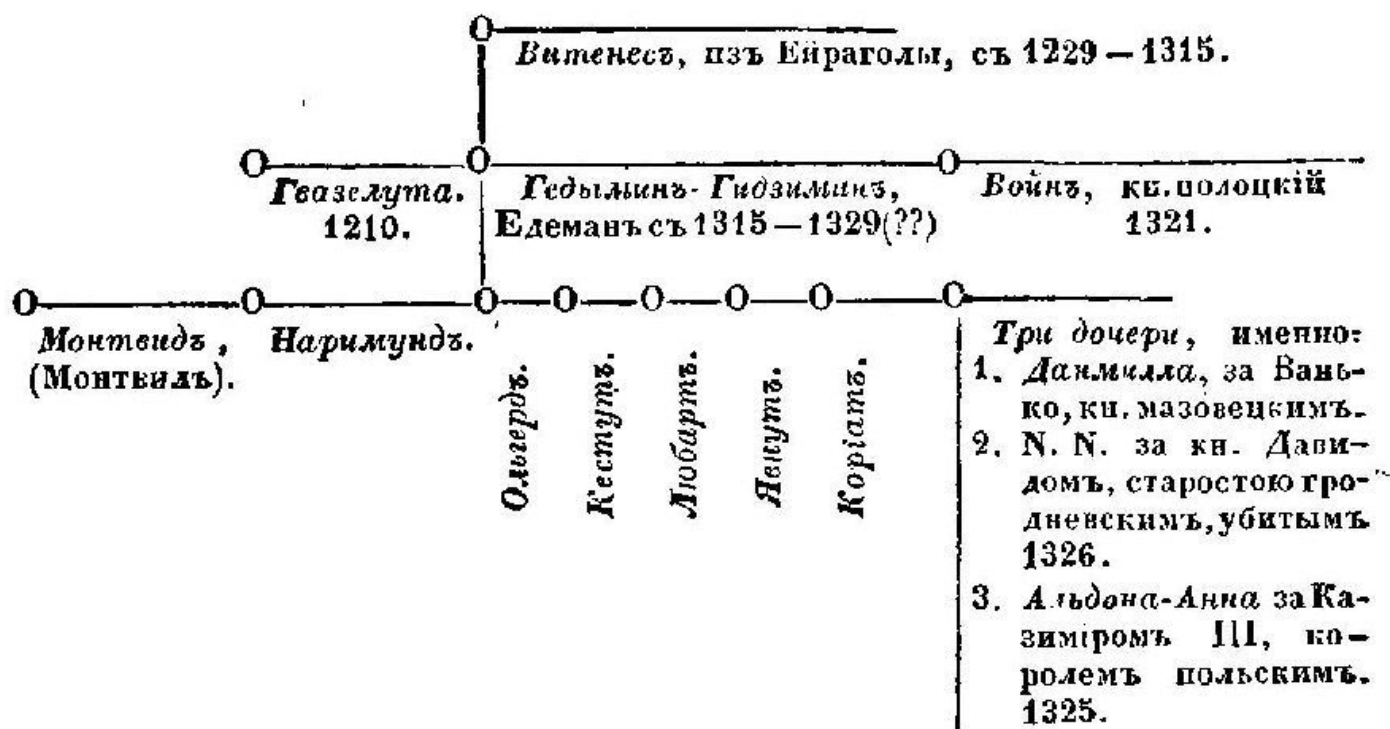
ПОТОМСТВО ГЕДРУСА РОМУНДОВИЧА.

ПОТОМСТВО ТРОЙДЕНА РОМУНДОВИЧА.

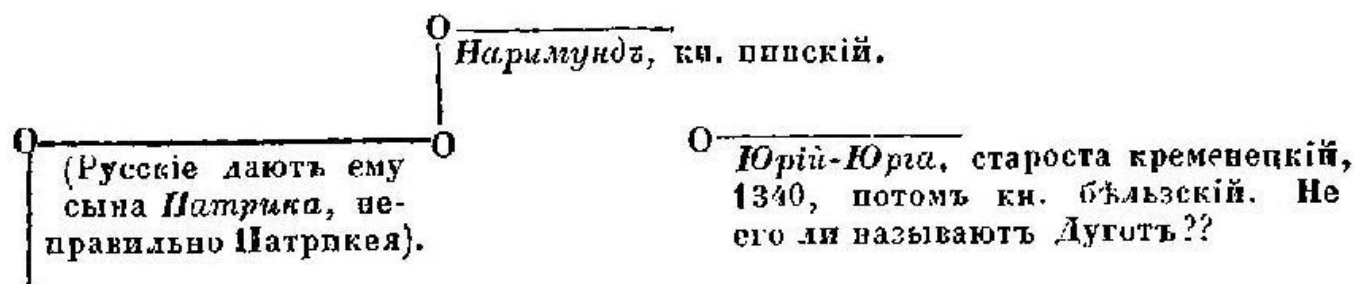

Здѣсь совершенно прерывается генеалогія отъ Палемона, и начинаеть княжить въ Литвѣ другая династія, начинающаяся Витнесомъ, который, по словамъ однихъ, былъ сыномъ Лютовора, а по другимъ простымъ дворянномъ, родомъ изъ Ейраголы. Разумѣется, для того, чтобъ Витнесомъ начиналась новая династія, должно допустить, что Гедиминъ былъ сынъ его, какъ то утверждаетъ Стрыйковскій. Однако-жь, кажется, что въ ту пору, сильные вельможи, успѣвъ захватить власть въ одномъ какомъ-нибудь княжествѣ, потомъ завоевали сосѣдствіе, и на долгій или короткій срокъ передавали свое владѣніе наследственно потомству, до явленія новаго похитителя.

Стрыйковскій ничего не говоритъ о Лютоворѣ, хотя могъ бы найти въ орденской хроникѣ Дюсбурга, около 1291 года, прямое указаніе о томъ, что Лютоворъ былъ отцемъ Витенеса и царкомъ гдѣ-то въ Литвѣ. Это извѣстіе Стрыйковскій отнеть къ Утенесу, а о Лютоворѣ совершенно промолчалъ.

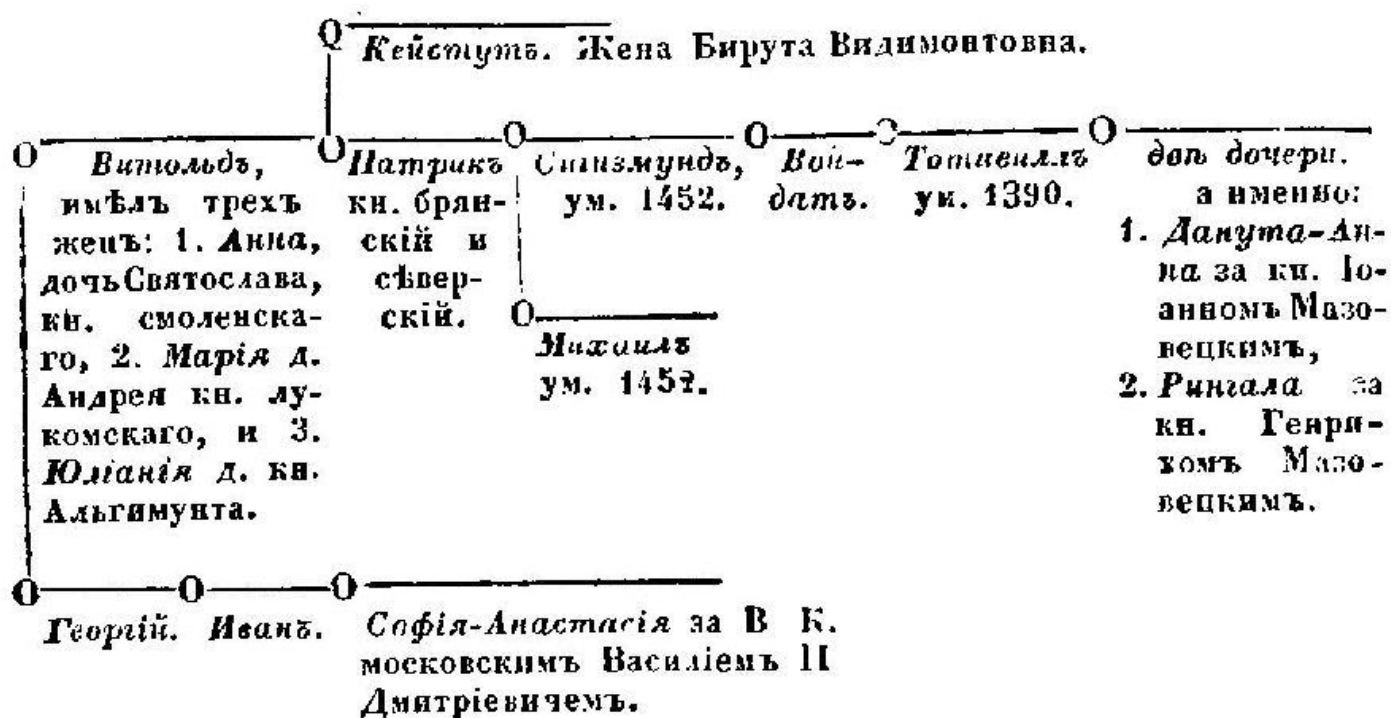
ПОТОМСТВО НАРИМУНДА ПИНСКАГО.

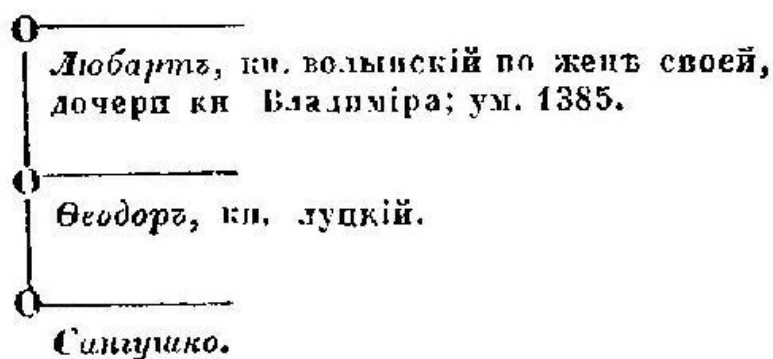
Этотъ Юрій-Юрга у Длугоша называется братомъ Ягайлы, и имѣлъ супругою Юліанію, двоюродную сестру Анны, жены Витольда. Тутъ кстати будетъ сдѣлать вопросы: былъ ли онъ дядею Ягайлы или братомъ? Если двоюроднымъ братомъ, то отъ кого именно? Князь Василій Пинскій, являющійся въ 1387 годѣ, былъ ли сыномъ этого Юрія, или же самъ Юрій имѣлъ другое имя Василія? Отъ этого Василія Пинскаго Нарушевичъ производитъ родъ князей Черторійскихъ; но есть другая, лучшая родословная ихъ*.

* Отъ торопливости, г. Крашевскій впалъ въ ошибку. Онъ спрашиваетъ: дядей или братомъ Ягайлы былъ Юрій-Юрга, князь бѣльскій? Но отвѣтъ онъ даетъ самъ. Наримундъ, какъ братъ Ольгерда, былъ дядей Ягайлы; следовательно сынъ Наримундова Юрій былъ двоюроднымъ братомъ Ягайлы. О чемъ тутъ спрашивать? Надо бы только внимательнѣе посмотрѣть на родословную, которую самъ списывалъ. Прим. перев.

ПОТОМСТВО КЕЙСТУТА.

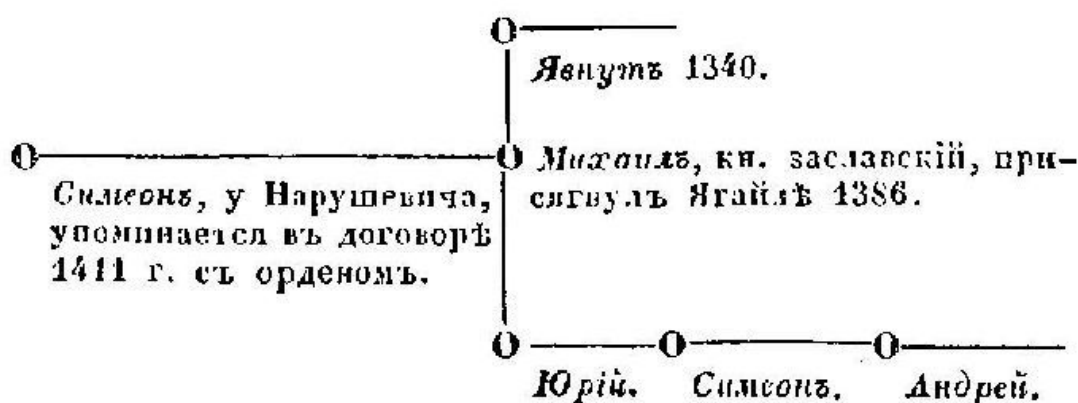

ПОТОМСТВО ЛЮБАРТА.

Отъ Любарта же, должно быть, происходятъ и князья Черторійскіе. О происхожденіи Черторійскихъ отъ Гедимна нѣтъ никакого сомнѣнія, ибо есть грамота (у Папроцкаго), выданная 1442 года, гдѣ это утверждается; но не названъ родоначальникъ.

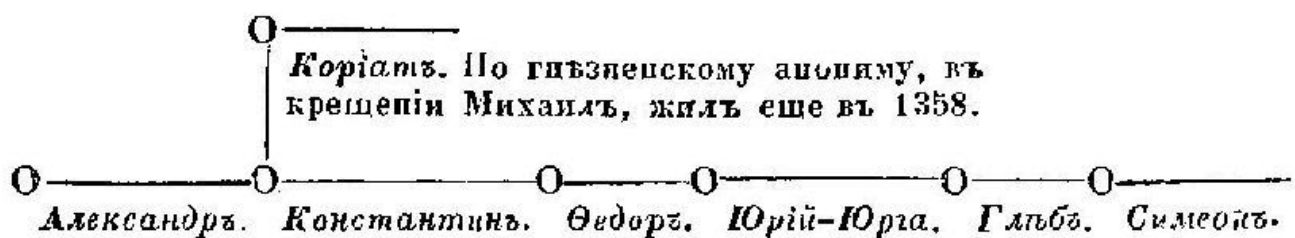
ПОТОМСТВО ЯВНУТА.

Папродкѣи составилъ совершенно другую генеалогію дѣтей Явнута. Ояъ пишетъ: Явнуть имѣлъ сына Юрія, у Юрія былъ Иванъ, у Ивана же три сына: Михаилъ, Богданъ и Федоръ, да одна дочь за княземъ Полубнянскимъ. Михаилъ, Богданъ и Федоръ имѣли только дочерей, вышедшихъ замужъ за Збаражскаго, Остика, Забржезинскаго, Каширскаго, Горностая и т. д. Въ русскихъ лѣтописяхъ записано, что Явнуть, по изгнаніи изъ Вильны, бѣжалъ въ Москву и тамъ принялъ христіанскую вѣру. Стрыйковскій это пропустилъ, и сдѣлъ хорошо; ибо сохранились документы, свидѣтельствующіе, что Явнуть жилъ въ Литвѣ. Въ трактатѣ 1358 г. о разграниченіи съ Мазовіею, и 1366 г. о мирѣ Казимира съ Ольгердомъ, Явнуть упоминается вмѣстѣ съ братьями. Сынъ его, Симеонъ, упоминается въ договорѣ 1411 года съ тевтоническимъ орденомъ, — по словамъ Нарушевича *.

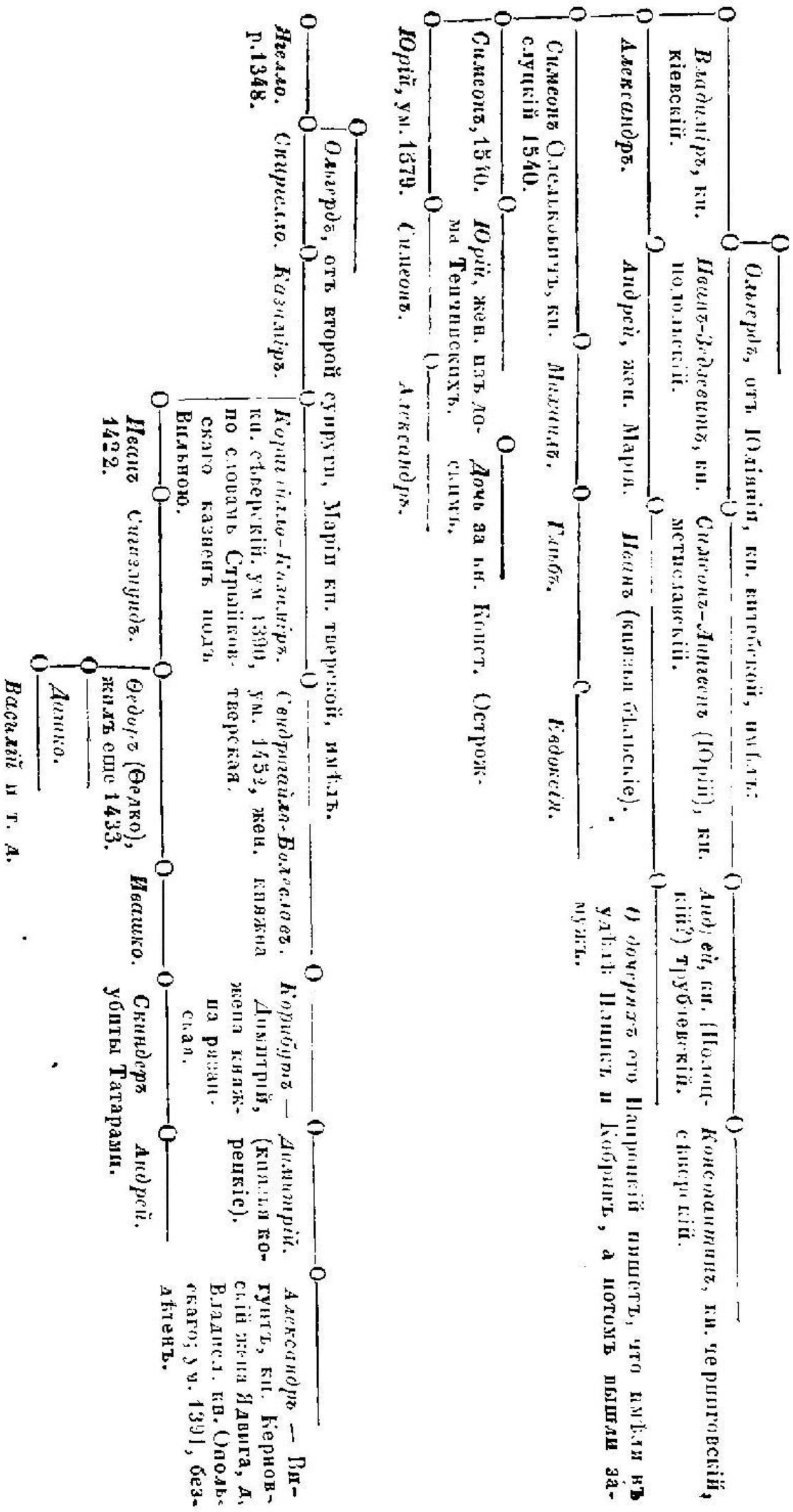
ПОТОМСТВО КОРІАТА.

Два послѣдніе, Глѣбъ и Симеонъ, убитые въ 1399 годѣ, кажутся, по ошибкѣ названы сыновьями Коріата. Юрій Коріатовичъ былъ господаремъ въ Валахія; прочіе братья имѣли удѣлы въ Подоліи.

Наконецъ слѣдуетъ потомство Ольгерда, которое также Стрыйковскій перепуталъ слѣдующимъ образомъ:

* Въ первой новгородской лѣтописи (Полн. Собр. Рус. Лѣт., томъ III) сказано: «Въ то же ^(8833/1317) лѣто сотворись въ Литвѣ замятня великая; изгони городъ Вильво Ольгердъ съ братомъ Кейстутіемъ, и князь великій Евнутій перевержесся чрезъ стѣну и бѣжа въ Смоленскъ, а Наримантъ бѣжа въ Орду къ Царю. Прибѣжа князь Евнутій въ Смоленскъ, побывъ ту мало, и поиде къ великому князю Семсву въ Москву, и ту его крести князь Симеонъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и наречено бысть имя ему Іоаннъ » Яснѣ этого быть ничего не можетъ. Вѣра въ факты, записанные въ нашихъ лѣтописяхъ, у всякаго безпристрастнаго человѣка, должна быть неограниченная: это самая истина. Можно ли равнять съ ними выдумки католическаго духовенства? Въ 1358 г. Явнуть уже возвратился въ Литву, ибо прошло цѣлыхъ 11 лѣтъ послѣ его сверженія съ престола. *Прим. перев.*

Отъ второй жены былъ у Ольгерда, по показанію Стрыйковскаго, дочери: 1. Марія за Войдилою (лѣтописецъ, изданный Даниловичемъ, присовокупляетъ, что она была за Кн. Давидомъ); 2. Александра за Зѣмовитомъ, кн. мазовецкимъ, 3. Агрипина за кн. Борисомъ тверскимъ; 4. Елена за кн. Владиміромъ Андреевичемъ въ 1372 году. О трехъ послѣднихъ у Стрыйковскаго впрочемъ нѣтъ ни слова.

Всякому, знакомому съ исторіею, легко можно усмотрѣть, сколько въ этихъ генеалогіяхъ, извлеченныхъ нами изъ Хроники Стрыйковскаго, находится грубѣйшихъ ошибокъ. При краткомъ обзорѣнн мы не указывали на ошибки; а единственно сдѣлали сводъ изъ данныхъ Стрыйковскаго. Присовокупимъ, что даже потомство Ольгерда не вѣрно написано, несмотря, что тутъ были ясныя матеріалы; чтожь должно сказать объ отдаленныхъ временахъ?

Хронологическое знаніе Стрыйковскаго, въ особенности время предъ Миндовомъ и послѣ него до Гедимяна, при первомъ прикосновеніи критики, разваливается со всѣхъ сторонъ. Палемонъ, — придѣланная голова литовской исторіи, — жилъ за 48 лѣтъ до Р. Х., а сынъ его (у Гвагивія ввукъ) Кунось, Кунашь, умеръ въ 1040 году по Р. Х., слѣдовательно на отца и приходится 1088 лѣтъ жизни!!... Послѣ сыновей Палемона слѣдуютъ тотчасъ Керпусъ и Гимбутъ, живущіе уже въ XII столѣтіи; ибо Керпуса Стрыйковскій относитъ къ 1100 году. Очевидно, что Стрыйковскій, желая связать своего Палемона и трехъ баснословныхъ князей — братьевъ, долженъ былъ, при положеніи, что Палемонъ жилъ до Р. Х., потянуть вверхъ сыновей его и внуковъ; а какъ съ тѣмъ вмѣстѣ не могъ по своему переработать исторіи XIII вѣка, о которой сохранилось много свѣдѣній у сосѣднихъ народовъ, то невольно образовалось обширное отверзтіе, которое Стрыйковскій думалъ сдѣлать не замѣтнымъ, не перерывая генеалогической нити, и въ этомъ промежуткѣ, вмѣсто литовскихъ, пространно описывая событія русскія. Отъ Ердзивилла, перваго покорителя русскихъ земель, хронологія опять свутывается, будучи завалена множествомъ князей, будто бы одинъ послѣ другаго господствовавшихъ, — хотя, если принять генеалогію Стрыйковскаго, времени имъ опредѣленнаго будетъ недостаточно. Иныѣ, не имѣя въ рукахъ основныхъ матеріаловъ Стрыйковскаго, невозможно опредѣлить, какія именно сдѣланы имъ ошибки. Нарушевичъ полагаетъ, что, начиная отъ Ердзивилла I до Мендога

и племянника сего послѣдняго, Ердзивилла II, церемѣшаны и вытлупуты въ одну родословную нить многіе современные, но совершенно отдѣльные князья; что оба Ердзивилла, показанные у Стрыйковскаго почти современниками, суть одно и то же лицо, и что Монтвилль былъ братъ Мендога. Догадка эта весьма правдоподобна. Нарушевичъ опирается на томъ, что съ 1207 по 1240 годъ не могло пройти по законамъ смертности семь поколѣній князей, и что слѣдовательно Стрыйковскій непременно долженъ былъ вставить въ свою генеалогію нѣсколько современныхъ лицъ. Нарушевичъ равномерно отвергаетъ рассказы Стрыйковскаго о завоеваніи Литовцами русскихъ земель до 1240 года, и причисляетъ такія раннія завоеванія къ числу неосторожныхъ поправокъ, какія Стрыйковскій любилъ дѣлать въ лѣтописяхъ. Лишь Рингольтъ и Миндовъ находятся на своемъ мѣстѣ, что подтверждаютъ и постороннія лѣтописи. Тѣмъ вѣроятнѣе, что въ этомъ случаѣ Стрыйковскій, должно быть, нагородилъ много вздору, что и въ другихъ мѣстахъ онъ одинъ разъ такъ, а потомъ иваче описываетъ одно и то же событіе, вмѣ же самымъ вымышленное, на основаніи плохо понятыхъ лѣтописей. Послѣ Миндова опять страшный хаосъ въ хронологіи. Является девяносто лѣтъ столѣтній Свинторогъ, слѣдовательно родившійся 1171 года, а дѣдъ его умеръ въ 1226 году!! * Послѣ Свинторога у Стрыйковскаго со-

---

* Здѣсь г. Крашевскій напрасно ставитъ знакъ удивленія. Что Свинторогъ имѣлъ, при смерти своего дѣда, 53 лѣтъ отъ роду, это явленіе весьма возможное, если принять въ соображеніе, что племя литовское, по своему образу жизни, представляетъ весьма частые примѣры 90-лѣтней жизни, и что ветарину, по большей части, вступали въ бракъ 16 лѣтъ, и слѣдовательно на 17-мъ году имѣли уже сыновей. Нелѣпость, составленной Стрыйковскимъ генеалогіи Свинтороговой вѣтви явствуется вовсе изъ другихъ причинъ. Примѣры долголѣтности Литовцевъ: Гедиминъ жилъ 82 года, Ольгердъ 81, Ягайло 84, Кейстутій 84 года, Витовтъ 86, Владиміръ Ольгердовичъ 78 лѣтъ, Свитригайло 96, Сигизмундъ Кейстутевичъ 92 года. Разумѣется, эти годы, заимствованные изъ Нарбутта, только приблизительно опредѣляютъ истинное время жизни упомянутыхъ князей, и чѣмъ древнѣе лицо, тѣмъ числа произвольнѣе, такъ, лѣта Гедимина рѣшительно не заслуживаютъ вѣроятія, а лѣта Ягайлы и его братьевъ могутъ считаться достаточно правдоподобными.

Прим. перев.

бытій нѣтъ, плетъ одна родословная. Несмотря на всѣ усилія, Стрыйковскій весьма не ловко пришилъ Витена къ исторіи. Гедимина онъ дѣлаетъ сыномъ Витена только изъ приличія; ибо весьма предосудительно было бы представить, что тестъ Казимира Великаго былъ простымъ убійцею своего господина, и имѣлъ съ женою его непопозволительную связь!

Професоръ Давиловичъ, изданіемъ открытой имъ лѣтописи, указалъ и исправилъ много ошибокъ въ Хроникѣ Стрыйковскаго; а именно: поражение Ольгердовичей, показанное у Стрыйковскаго подъ 1205 годомъ, въ лѣтописи Давиловича стоитъ въ 1203; смерть Гедимина въ 1328 г. весьма ускорена: ее отнести слѣдуетъ къ 1338, или даже къ 1341 году, на что обратили вниманіе еще Шлёцеръ и Нарушевичъ. Изгнаніе Явнута, показанное 1329, по лѣтописи случилось 1344 года. Походъ Ольгерда подъ Москву показанъ у Стрыйковскаго, по причинѣ ускоренной смерти Гедимина и тѣмъ нарушеннаго порядка, весьма рано, именно 1332 года; въ лѣтописи Давиловича первый походъ означенъ 1365, а слѣдующіе въ 1370 и 1372 годахъ; разумѣется объ этомъ предметѣ русскіе лѣтописцы лучше знали, и заслуживаютъ полную вѣру. Смерть Ольгерда помѣщена въ Хроникѣ подъ 1371 годомъ; но Нарушевичу же и Давиловичу, ее подобно отодвинуть къ 1377 или 1378 году. Наримундъ, бѣжавшій во Псковъ, по Стрыйковскому, разстрѣленъ въ 1390 году, хотя собственно умеръ 1388 года. Второй походъ на Татаръ—по Стрыйковскому, былъ 1399, по русскимъ лѣтописямъ въ 1398 году. Нашествіе Витовта на Смоленскъ у Стрыйковскаго показано въ 1403, а по русскимъ лѣтописцамъ оно было годомъ позже, и т. д.

Еще замѣчено нами, что въ Хроникѣ Стрыйковскаго ошибки весьма часто происходятъ отъ того, что, забывъ о чемъ-нибудь рассказать въ своемъ мѣстѣ, онъ потомъ возвращается къ этому и дѣлаетъ вставку гдѣ-нибудь весьма не кстати. Такимъ образомъ онъ говоритъ о женитьбѣ Кейстутія на Бирутѣ между смертію великаго магистра Шиндекофа и короля Казимира Великаго, и читателю всегда будетъ казаться, что этотъ бракъ послѣдовалъ въ 1370 году. Между тѣмъ сынъ Кейстутія и Бируты Витольдъ въ 1375 году участвуетъ въ войнѣ; это было дѣйствительно, ибо, по всему вѣроятію, Бирута была похищена изъ Полянги (нынѣ Полянгень) около 1348-49 годовъ, и Витольду во время похода 1375 года было уже болѣе 25 лѣтъ.

Религіозныя обряды, обычаи, одежду и т. п., все что составляетъ отличительныя черты литовской народности, Стрыйковскій описалъ (книга IV' раздѣлъ 4) по большей части безъ помощи лѣтописей. Повѣствуя о празднествахъ *барштукоевъ*, *весеннеиъ* и *умершихъ*, онъ говоритъ, что все то онъ видѣлъ своими глазами, слышалъ своими ушами, всему былъ свидѣтелемъ. Однакожъ извѣстія объ закоподательствѣ Вейдевута онъ выписалъ изъ книги древностей прусскихъ Эразма Стелли, который, въ свою очередь, все заимствовалъ у епископа Христиана, просвѣтителя Пруссовъ. О сожженіи умершихъ и насыпаніи имъ могилъ, Стрыйковскій нѣсколько разъ принимается рассказывать, упоминая что нѣкоторые погребальныя обряды видѣлъ лично. О религіозныхъ обрядахъ вообще Стрыйковскій частію выписалъ изъ Дюсбурга, частію же описалъ то, что самъ еще встрѣчалъ въ Жмудіи. Онъ также много говоритъ о славянской мифологіи, изъ Дюсбурга: о Кревѣ, котораго именуетъ епископомъ и Киреквейтою (Кривекривейтось), о вѣрованіи въ будущую жизнь, о сожженіи съ покойникомъ его любимыхъ вещей. Онъ перечисляетъ литовскихъ боговъ, и имена ихъ пишетъ довольно правильно: Окопирна, бога неба и земли, Свайгестикса—бога свѣта, ясности, Аушляввса—бога страждущихъ, Атримва—бога стоячихъ водъ, Протримпа—бога текучихъ водъ, Гардайтисъ—кораблей, Пергрубіуса—травъ и кустарниковъ, Пельвитось—богатства, Перкуна—божества бурь и грома, Поклюса—бога преисподней. Пишетъ о Барштукахъ и Маркополяхъ, родѣ гномовъ литовскихъ, о Рагучѣ, божествѣ яствъ кислыхъ, Земенникѣ, Крумпяѣ, Литуванисѣ, Хаврарарисѣ—богъ коней, Сатваросѣ—богъ рогатаго скота, Сеймидевасѣ, о Ладо, великомъ божествѣ, о его празднествѣ, о ключѣ: Дидисъ Ладол также и Гульди-Девосъ, хранителѣ людей, Гувиглисѣ—божествѣ пастуховъ, Свечпунштписѣ — богъ домашнихъ птицъ, и Келюдивосѣ—направителѣ путешественниковъ, о Паскайтисѣ—богъ плодородія, о соответствующихъ для каждаго изъ нихъ жертвахъ, и наконецъ весьма подробно о погребаніи умершихъ. Последнее у Стрыйковского согласно съ письмомъ Мелетія: *De religione veterum Prussorum*. «Когда кто, говорятъ Стрыйковскій, почувствуетъ приближеніе смертнаго часа, то посылаетъ просить къ себѣ, на двѣ или на одну, «судя по своему состоятію, бочки пива, пріятелей и всѣхъ «кто живетъ въ той же деревнѣ, у которыхъ просить прощенія и прощается; а они тщательно вымываютъ умершаго въ «банѣ, одѣваютъ въ длинную по своему обычаю рубаху. и са- «жаютъ къ столу; а сами начинаютъ пить, обращаясь къ усоп-

«шему съ сими печальными и слезными словами: я за тебя спью, милый пріятель, и для чего ты померь? Вѣдь ты имѣешь добрую жену, дѣтей, скота и во всемъ достатокъ. Потомъ спьютъ въ другой разъ, желаютъ ему покойной ночи, просятъ его, чтобъ изволилъ на томъ свѣтѣ отдать поклонъ ихъ отцамъ и матерямъ, братьямъ, дѣтямъ и пріятелямъ, и чтобъ также жилъ съ ними дружно и по-сосѣдски, какъ и они съ нимъ жили на этомъ свѣтѣ. Потомъ одѣваютъ его въ полную одежду, если мужчина, опоясываютъ его саблей, или затыкаютъ топоръ; обвертываютъ полотенце вокругъ шеи, и завязываютъ въ него нѣсколько грошей, смотря по состоянію; наконецъ кладутъ во гробъ ковригу хлѣба, соль и кружку пива. Если же умереть женщина, то съ нею кладутъ нитокъ и иглокъ, чтобъ могла зашить, что раздерется, во время путешествія на тотъ свѣтъ. Потомъ всѣ идутъ за гробомъ, ударяютъ ножами, и громко кричатъ: гей гей! бегейте посколе!, что значитъ: убѣгайте прочь, вы, чертенята и т. д.»—

О военныхъ продолжкахъ изъ временъ Ольгерда пишетъ онъ въ XII книгѣ. Насчетъ одежды говоритъ, что она состояла изъ звѣриныхъ кожъ, даже не всегда выдѣланныхъ; обувь (вижось) изъ лыка; головной уборъ изъ звѣриныхъ череповъ; копыща для стрѣлъ изготовляли изъ желѣза земледѣльческихъ орудій, награбленныхъ въ Руси. Жилища состояли изъ шалашей, покрытыхъ дерномъ. Упоминаетъ также о сожженіи плѣнныхъ въ жертву богамъ, чему приводитъ примѣръ изъ Дюсбурга о Самбійскомъ командорѣ. Потомъ пишетъ, что во время Жывибунда (забывъ вовсе что прежде говорилъ самъ о Вейдеутѣ) произошло улучшение въ земледѣліи, начали строить порядочныя избы, дѣлать изъ шкуръ палатки и лодки, которыя употреблялись на войнѣ вмѣсто понтоновъ, причемъ обыкновенно двое несли такую лодку. Въ книгѣ VII приводитъ Стрыйковскій употребительный въ Литвѣ способъ обороны замковъ, изъ хроники Дюсбурга. «Въ Литвѣ было соблюдаемо, касательно снабженія замковъ гарнизонами слѣдующее: король ихъ «выбираетъ нѣкоторое число шляхтичей (!) и отправляетъ ихъ «въ какой-нибудь замокъ для защиты его, на известное время, на мѣсяць или болѣе. По истеченіи этого срока стража «эта отправляется въ свои дома, а въ замокъ приходитъ новый отрядъ.» Защита городовъ лежала на мѣщанахъ, обязанныхъ содержать постоянный въ нихъ караулъ; такъ было въ Вильнѣ по старинному обычаю при Ягаймѣ, и продолжалось до Александра.

Весьма скупо надѣлалъ Стрыйковскій свою Хроніку данными о духѣ литовской народности; за-то какъ щедро расходовалъ свои догадки на обезображеніе и передѣлку историческихъ фактовъ! Выше мы видѣли, какъ однимъ почеркомъ пера онъ создалъ въ Литвѣ, ранѣ XIV-го столѣтія, шляхту и гербы. Крімъ того, сколько разъ онъ представляетъ событія въ ложномъ видѣ! Но что особенно препятствуетъ наукѣ смѣло пользоваться сочиненіемъ Стрыйковскаго, такъ это не столько хронологическія и генеалогическія (врочемъ ужаснѣйшія) ошибки, сколько совершенно ложная точка зрѣнія, съ которой авторъ смотрѣлъ на событія, а въ слѣдствіе этого и превратное его объясненіе многихъ важнѣйшихъ фактовъ. Стрыйковскій какъ бы умышленно измѣнилъ въ исторіи Литвы все, что могло бы служить къ прагматическому ея изложенію, къ истолкованію духа событій. Образъ правленія, правс престолонаслѣдованія, боярское сословіе въ Литвѣ, — все эти предметы въ Хроникѣ изображаются совершенно превратно.

До нашествія Татаръ на Россію въ XII-мъ столѣтіи, Литва была подчинена князьямъ кievскимъ, черниговскимъ, смоленскимъ, — какъ о томъ проговорился и самъ Стрыйковскій въ книгѣ VI-й, и платила имъ дань, не важную по сущности, и единственно въ знакъ подданства. Освобожденіе Литвы и распространеніе ея границъ совпадаютъ съ эпохою ослабленія Руси Татарами; тогда сопредѣльные съ Литвою Кривичи подчинились князьямъ литовскимъ: цѣлыя русскія области, будучи не въ состояніи сопротивляться, соединились съ Литвою. Литва одна имѣла выгоды отъ нашествія Татаръ, остановила разливъ ихъ на западъ, и захватила власть ихъ въ опустошенныхъ русскихъ земляхъ *. Но здравая критика ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить въ эпоху отъ X-го до XIII вѣка существованія

---

* Здѣсь замѣчательны слова: *подчинились, соединились*; не сказано рѣзко: *были завоеваны* — Мицкевичъ, въ предисловіи къ своему Валлеироду, пишетъ: «Наши историки еще не объяснили достаточно образомъ, какъ народъ (Литовцы) столь слабый и такъ долго подвластный чуждымъ, могъ вдругъ возвыситься и распространить свои завоеванія отъ Балтійскаго моря до Чернаго и до Волги». Вотъ что называется истиннѣею поэзою! Дѣйствительно этотъ фактъ является труднѣйшею историческаго проблемою. Однакожь нашъ историографъ ясно видѣлъ «какъ Литовцы, въ стройномъ ополченіи,

рилъ Литву Стрыйковскій. Ученый Онадевичъ полагаетъ даже, что первобытную исторію Литвы, до XIII-го вѣка и освобожденія ея отъ русской власти, не стоить и разыскивать. Вотъ настоящій взглядъ на вещи! Однакожь, начиная съ XI-го столѣтія, уже есть отрывочныя извѣстія о Литвѣ у смежныхъ народовъ; изъ этихъ извѣстій и изъ собственныхъ преданій можно составить какъ бы введеніе въ исторію Литвы.

Стрыйковскій иначе смотрѣлъ на вещи и иначе ихъ понималъ. Онъ создалъ въ Литвѣ сеймы и элекціи; когда, съ величайшею точностію извѣстно, что тамъ княжества были наследственныя, съ тѣмъ еще особеннымъ правомъ, что послѣ брата восходили на престолъ всѣ братья по старшинству, а потомъ престолъ оставался въ родѣ старшаго брата, съ таковымъ же предпочтеніемъ дядей племянникамъ. Такую форму мы заимчаемъ на нѣкоторыхъ островахъ Америки и въ Россіи въ первое время по пришествіи Варяговъ (по смерти Синеуса) *.

гахъ. Война была ожесточенная. Великіе магистры обоеихъ орденовъ дѣлали ежегодно двѣ большія экспедиціи: одну въ февралѣ, а другую среди лѣта, и проникали болѣе или менѣе во внутрь края. Съ напряженіемъ всѣхъ силъ Жумайгы и собственно Литовцы отстаивали свою свободу, составляя народонаселеніе, ни въ какомъ случаѣ не могшее превосходить 300 т. душъ обоего пола (ибо нынѣ, черезъ 500 лѣтъ, тамъ находится немного болѣе полу-миліона). Другія поколѣнія литовскаго народа: Пруссы и Латыши, были уже поработаны вышеупомянутыми двумя орденами. И въ эту-то тяжелую эпоху хотять, чтобъ Литовцы были завоевателями странъ до Днѣпра и Чернаго Моря, странъ населенныхъ храбрыми и можетъ быть въ сорокъ разъ многочисленнѣйшими Бѣлорусцами и Малоросіянами... Спрашивается: возможно ли это не здравому смыслу?

Прим. Перев.

* Не въ первое время по пришествіи Варяговъ, какъ то указываетъ ссылка его на смерть братьевъ Рюрика, а до исхода XIV-го столѣтія, въ Россіи дѣйствовало право престолонаследія съ предпочтеніемъ дядей племянникамъ. Отмѣна этого закона, произведенная в. кн. московскимъ Дмитріемъ Донскимъ по добровольному соглашенію съ братьями, была краеугольнымъ камнемъ зданія будущаго величія Россіи. Сынъ Донскаго, Василий II-й, восшедшій 1389 года, былъ первый племянникъ занявшій престолъ при жизни дядей, что уже и осталось на будущее время основнымъ государственнымъ закономъ.

Прим. Перев.

Усамого Стрыйковскаго встрѣчается что-то подобное при восшествіи на престолъ, по смерти Ромунда, брата его Прабуса. Стрыйковскій и лѣтописецъ, изданный г. Даниловичемъ, прямо говорятъ, что Ягайло на слѣдовалъ отцу въ Вильнѣ, по добровольной уступкѣ дяди Кейстутія, который имѣлъ полное право на велико-княжескій престолъ. Слѣдовательно не было ни когда и не могло быть въ Литвѣ никакихъ избраній въ князья, элекцій, — все это частая выдумка. Также никогда тамъ не было такой формы правленія, какую старался дать ей Стрыйковскій въ своей Хроникѣ. Извѣстно, что въ Литвѣ даже славянскія *вѣчи* такъ давно вышли изъ употребленія, что о нихъ въ лѣтописяхъ не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ; исчезли они отъ готскаго вліянія на страну. Мы видимъ, что тамъ великіе и удѣльные князья вполне распоряжаются жизнью и имуществомъ своихъ подданныхъ; владѣльцы имѣній находятся въ томъ же отношеніи къ поселянамъ и своимъ кабальнымъ людямъ. До времени Сигизмунда-Августа самодержавіе еще проявляется въ управленіи Литвою, которая въ этомъ отношеніи весьма разнится отъ Польши. Великокняжеская власть, по Стрыйковскому, начинается отъ Рягольта; но собственно говоря, она рѣшительно учредилась лишь при Миндовѣ, покорителѣ многихъ мелкихъ владѣній. По смерти его, Литва опять раздробилась; но Стрыйковскій безпрестанно выводитъ на сцену великихъ князей. Что ему до этого за дѣло? Онъ даже нѣсколько разъ постарался назвать Литву республикою!

Что касается до избраній великихъ князей (элекцій), то они смѣло изобрѣтены самимъ Стрыйковскимъ. Изъ сохранившихся въ лѣтописяхъ извѣстій о вѣнчаніи князей, о присягѣ имъ народа, — его рука не дрогнула составить сеймы и выборы князей по польскому образцу. Стоитъ прочесть какую онъ смѣшную рѣчь влагаетъ въ уста Лаврентія Ромунда при избраніи въ званіе великаго князя Витепа; какъ онъ вѣрно копируетъ древнихъ республиканцевъ, и полудикимъ Литовцамъ, ходившимъ въ невыдѣланныхъ шкурахъ и лаптяхъ, преважно толкуетъ о шляхетскихъ гербахъ!... Эту рѣчь, которую Стрыйковскій не могъ найти даже въ лѣтописцахъ XI-го вѣка, онъ сочинилъ самъ, и вѣрно считалъ ее верхомъ совершенства и правдоподобія. Подобныхъ княжескихъ выборовъ въ Хроникѣ описано весьма много. Можно думать, что къ этой поддѣлкѣ фактовъ Стрыйковскій побуждался желаніемъ доказать, на перекоръ истинѣ, по какому-то смѣшному хвастовству, что Литва ни сколько не обязана Польшѣ сообщеніемъ улучшенной консти-

туція и бѣльшихъ правъ, и что все это Литва имѣла еще будучи въ язычествѣ. Теперь мы ищемъ въ исторіи одной важной истины, безстрастной и безпристрастной; но при Стрыйковскомъ было иначе. Тогда желали, чтобъ дѣеписатель льстилъ народной гордости, угождалъ понятіямъ князей и дворянъ; а о томъ, справедливо ли описаны событія никто не заботился. Поэтому Стрыйковскій очень хорошо постигнулъ, что онъ болѣе выиграстъ, если вмѣсто непріятной истины, наполнить свою Хронику передѣлками и выдумками по вкусу своихъ соотечественниковъ и современниковъ. Такимъ образомъ создалъ онъ въ древней Литвѣ сеймы и элекціи, сообщилъ ей конституцію никогда не существовавшую; а все для того, чтобъ доказать, что Литва ничего не заимствовала отъ Поляковъ и ни въ чемъ ни когда не была имъ ниже *. Что тогда было похвально, теперь смѣшно. Стрыйковскій, доказавъ древность дворянскихъ домовъ Гедройцевъ, Гашталдовъ, Манивадовъ, Довойновъ и другихъ, отыскавъ для всей шляхты, недавно учрежденной въ княжествѣ, предковъ изъ числа римскихъ патриціевъ, имѣлъ на своей сторонѣ большинство голосовъ, и не боялся критиковъ, которые захотѣли бы открыть его поддѣлки и басни. Къ нимъ-то г. пре-латъ, весьма вѣжливо, сдѣлалъ обращеніе: «Ройся, свинья и т. д.»

---

* До избранія в. к. литовскаго Якова-Ягайлы Ольгердовича въ короли польскіе, это великое княжество было совершеннымъ двойникомъ в. княж. московскаго. Одно заключало въ себѣ восточную, другое западную Русь. Москва и Вильно были двѣ столицы русскаго народа, какъ двѣ полости одного и того же сердца. Вѣра, языкъ, жизнь государственная, общественная и частная, все было совершенно одинаково въ обоихъ русскихъ княжествахъ. Всѣхъ, кто иначе понимаетъ Западно-русское, или такъ называемое Литовское, великое княжество, не имѣетъ вѣрнаго взгляда. Весьма естественно (не скажу: разсудительно), что польскіе сочинители полагаютъ, что государственная конституція Польши въ XV-го столѣтіи была лучше уложеніи обоихъ русскихъ княжествъ. Но къ крайнему ихъ огорченію, опытъ, этотъ лучшій критикъ дѣлній человѣческихъ, доказываетъ вовсе противное. Чтожъ сдѣлалось съ Польшею, при ея извѣстной конституціи? Послѣ столѣтнихъ постыдныхъ выборовъ, гдѣ всѣ отечественные интересы продавались за мѣшокъ талеровъ, комедіи дундуровъ или даже за бочку венгерскаго,—послѣ каррикатурныхъ, грязныхъ и пьяныхъ сеймовъ и сеймаковъ,—послѣ вѣковыхъ угнетеній средняго и низшаго класса иѣсколькими тысячами магнатовъ, постоянно бывшихъ

Съ приближеніемъ своего повѣствованія къ концу XIV-го столѣтія, Стрыйковскій начинаетъ пользоваться однимъ Длугошемъ, или его компиляторами Мѣховитою и Кромеромъ. Онъ цѣликомъ переводитъ съ латинскаго подлинника отца польской исторіи; вѣщаетъ свѣдѣнія вовсе ненужныя съ дѣйствительно необходимыми, и заваливаетъ свою Хронику синхронизмами изъ исторіи сосѣдственныхъ государствъ. Когда Длугошъ, отъ 1386 года, началъ подробнѣе говорить о событіяхъ въ Литвѣ; то Хроника Стрыйковскаго превратилась почти въ сокращенную копію съ Длугоша. Стрыйковскій опускаетъ факты, худо имъ понятыя, измѣняетъ имена и числа, и чѣмъ далѣе тѣмъ менѣе пользуется лѣтописями. По прекращеніи исторіи Длугоша, Стрыйковскій выписываетъ изъ Мѣховиты, Бѣльскаго, и такимъ образомъ доводитъ Хронику до своего времени, не забывъ пояснить, какъ опасно писать современную исторію.—Сначала у него исторія собственно литовскаго народа исчезаетъ въ вы-

---

на помочахъ у своихъ женъ и ихъ духовниковъ,—польское королевство, къ счастью славянскаго племени и польскаго народа, наконецъ обрѣло покой, слившись во едино-политическое тѣло съ родною Русью. Слѣдовательно, кажется, позволительно усумниться въ совершенствѣ польской конституціи!... Посмотримъ, какъ въ тоже самое время проявилась система управленія русскаго народа въ судьбахъ Восточно-русскаго, или московскаго, великаго княжества? Она была причиною, что потомки Калиты,—эта династія великихъ государственныхъ мужей, другаго примѣра которой исторія намъ не представляетъ,—успѣли раздѣленную восточную систему русскихъ княжествъ слить въ одно московское государство;—она была причиною, что всѣ внѣшніе враги, отъ хана Золотой Орды до нѣмецкаго магистра, пали подъ стопы Руси;—она была причиною, что Петръ Великій въ одну человѣческую жизнь сдѣлалъ столько преобразованій, какихъ при другихъ обстоятельствахъ нельзя было бы совершить и въ пять сотъ лѣтъ;—она виновница внѣшняго благоденствія нашего отечества.

Предшествовавшее сравненіе, которое давнымъ давно напечатлѣно въ сердцѣ каждаго Русскаго, было вызвано единственно тѣмъ, что г. Крашевскій не оговорилъ, что конституція Польши казалась совершеннѣйшею системы управленія обоихъ русскихъ княжествъ: московскаго и литовскаго,—лишь для ограниченныхъ жильцевъ XVI-го столѣтія, современниковъ Стрыйковскаго.

Прим. Перев.

пискахъ изъ Византійцевъ о сотвореніи міра, и изъ Бероза о происхожденіи племенъ и народовъ; потомъ дѣянія Литвы затмѣваются выписками о событіяхъ въ русскихъ княжествахъ. Онъ черпаетъ изъ лѣтописей съ нѣкотораго рода неудовольствіемъ; съ презрѣніемъ отзывается о нихъ, какъ о простыхъ, т. е. написанныхъ людьми ограниченными и неучеными; выписки дѣлаетъ кратко и часто позволяетъ себѣ явную поддѣлку. Весьма важно было бы опредѣлить всѣ матеріалы и источники Стрыйковскаго; но для этого нужно новое изданіе его Хроники,—подвигъ, на который едва кто согласился. Также полезно было бы, какъ уже замѣтилъ г. Даниловичъ, оцѣнить различныя басни, вошедшія въ составъ Хроники, и опредѣлить ихъ происхожденіе; ибо у Стрыйковскаго удивительная смѣсь авторовъ. У него толкаются другъ о друга, кромѣ рукописныхъ лѣтописцевъ, Вольтеранусъ и Геродотъ, Юсіфъ Флавій и Мѣховита, Эразмъ Отелла и Плиній, Длугошъ и Берозъ, Птоломей и Эней Сильвій и т. д.;—все это безъ малѣйшей критики, безъ соображенія о времени, когда кто жилъ, кто у кого списывалъ, былъ-ли свидѣтель событія, или жилъ лѣтъ тысячу спустя. Предъ современниками заслуживаютъ у него предпочтеніе жившіе гораздо позже событія, лишь бы они писали по-латыни и учено. Всегда именуетъ онъ варварскими и просто написанными бывшія у него литовско-русскія лѣтописи. Последнее крайне намъ жаль. Не умѣя оцѣнить этихъ лѣтописей, онъ презиралъ ихъ извѣстіями, и постоянно предпочиталъ все помѣщенное у современныхъ авторовъ, потому что тѣ были ученые люди, епископы, аббаты и прочіе, хотя жили гораздо позже описываемаго времени.

Рѣшительно можно сказать, что Стрыйковскій, обѣщавъ прояснить исторію Литвы, только ее затемнилъ. Много времени придется ожидать, покуда собрано будетъ столько первоначальныхъ матеріаловъ, чтобы можно было приступить къ объясненію самой Хроники Стрыйковскаго. До сихъ поръ только ученый Даниловичъ изданіемъ открытой имъ въ Супраслѣ лѣтописи, и извлеченіемъ изъ русскихъ источниковъ извѣстій о Литвѣ, положилъ начало критической оцѣнкѣ Стрыйковскаго. Конечно никто болѣе почтеннаго профессора не можетъ быть комментаторомъ Стрыйковскаго; г. Нарбуттъ обѣщаетъ издать находящуюся у него въ рукахъ лѣтопись литовскую, называемую имъ лѣтописью Быховца. Судя по выпискамъ, содержащимся въ исторіи Нарбутта, эта лѣтопись не есть произведеніе

вока Дмитрія; но компиляція XVI-го столѣтія, называемая Стрыйковскимъ берестовицкимъ лѣтописцемъ.

Въ заключеніе, возвращаемся къ лицу Стрыйковскаго. Много говорили мы о его ошибкахъ, неспособности, безтолковщивѣ,—теперь скажемъ нѣсколько словъ въ его пользу. Хотя результатъ его Хроники—самый дурной; но желанія его были хорошія. Вѣкъ, въ который жилъ, личное положеніе, въ которомъ находился,—парализовали его добрыя намѣренія и сердечную страсть. Творенія его нельзя судить съ нынѣшней точки зрѣнія на исторію. Какъ всѣ науки, такъ и наука исторіи много подвинулась въ наше время....Сверхъ того должно сказать, что Стрыйковскій не былъ рожденъ ни историкомъ, ни даже простымъ лѣтописцемъ; онъ не звалъ, не воображалъ, что исторія должна проявляться такъ, какъ мы ее нынѣ понимаемъ; онъ довольствовался одною скорлуною, и былъ твердо убѣжденъ, что исторія есть только сборъ происшествій, подпора для генеалогіи, картинка славы предковъ. Итакъ о немъ слѣдуетъ судить по его же понятіямъ, и его Хронику оцѣнять въ духѣ того времени.

Отсутствіе критики въ сочиненіи Стрыйковскаго можно извинить тѣмъ, что въ ту пору историческая критика только что зарождалась. Стрыйковскій былъ легковѣрный историкъ сиптеза и догматизма, не убѣждающійся фактами, передѣлывающій все по своему первоначальному убѣжденію, порожденному особенными причинами. То, что онъ дѣлалъ съ извѣстіями лѣтописцевъ, казалось ему хорошимъ, полезнымъ; но однакожь и въ то время были люди, которые иначе мысляли; это можно замѣтить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самой Хроники, по жалобамъ Стрыйковскаго.

Стрыйковскій сдѣлалъ все, что могъ; а что мало сдѣлалъ, въ томъ не виноватъ, потому что не могъ писать иначе. Онъ запуталъ исторію Литвы, но изъ желанія доставить славу отечеству и важнѣйшимъ фамиліямъ генеалогію отъ римскихъ патриціевъ; невѣрно описалъ, передѣлалъ многое на польскій образецъ, но единственно изъ желанія показать, что Литва была не хуже Польши. Это доказываетъ, что онъ понималъ исторію не какъ истину, а какъ славу,—или, по крайней мѣрѣ, считалъ ее такою же правительственною хартіею, какими признавались хро-

яки, въ рукахъ съ которыми спорили Поляки съ Литовцами о владѣніи Подолією. И такъ простимъ все Стрыковскому и—миръ праху его.

ПАВЕЛЪ БРОНЕВСКІЙ.